ТОРКВАТО ТАССО,

БОЛЬШАЯ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ,

ВЪ СТИХАХЪ.

Сочиненія

Н. К.

(Писана въ 1830 и 1831 годахъ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1833.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 7 Февраля 1833 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

ПРИМѢЧАНІЯ СОЧИНИТЕЛЯ.

Примѣчаніе 1. Торквато Тассо, можетъ быть, въ Исторіи человѣческаго рода составляетъ единственный примѣръ, до какого бѣдственнаго состоянія доводитъ неотлучное присутствіе генія! Можетъ быть читатель моей фантазіи не отыщетъ въ ней всѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно смотрѣть на многостороню жизнь человѣка, одареннаго свыше счастливѣйшимъ даромъ искусства и несчастнѣйшимъ характеромъ; но, милый читатель, это не моя вина. Я полюбилъ Тасса

Еще дитя, въ училищѣ, за книгой;

Я съ нимъ росъ, съ нимъ возмужалъ, — и понятія мои о его жизни, постепенно развиваясь въ умѣ моемъ, начали совершенно противорѣчить понятіямъ обыкновеннымъ, наконецъ образовали фантазію, которую, любезный читатель, если ты одаренъ многотерпѣніемъ, будешь читать, перевернувъ два, три листа. — Сознаюсь, первый камень фантазіи положенъ въ лѣта самой

нѣжной юности; послѣдній, съ трепетомъ, положила рука моя въ то время суроваго опыта, когда мечтанія юности и всѣ пламенныя стремленія жаркаго и усерднаго чувства охлаждаетъ дикій вопль нынѣшней Критики. Въ пустынѣ нашей Литтературы не видимъ карава̀новъ, богатыхъ числомъ и внутреннимъ достоинствомъ; напротивъ, въ Мекку литтературной славы надо *прокрадываться* и во весь путь молить Аллу, да укроетъ одинокаго путешественника отъ хищныхъ взоровъ буйной и невоздержной Критики. Знаю, что этимъ сравненіемъ даю пищу досужей остротѣ литтературныхъ наѣздниковъ; но что будетъ, то будетъ, а я пускаюсь въ путь и съ хладнокровіемъ ожидаю грозныхъ набѣговъ.

Примѣчаніе 2. (Отрывокъ изъ разговора, бывшаго въ 1828 году). *Авторъ*. . . Тассъ, увѣнчанный Альфонсомъ, умираетъ съ небесной улыбкой на устахъ; Леонора падаетъ къ подножію возвышенія; всѣ прочія лица, изъ важнѣйшихъ, окружаютъ Тасса, образуя полную картинную группу, закрывая глаза или отирая слезы; народъ, по призыву Альфонса и увлеченный собственнымъ чувствомъ горести, преклоняетъ колѣна; занавѣсъ

падаетъ. — Вотъ полный планъ моей фантазіи! Нравится ли онъ вамъ?..

NN. Не скажу. Похвалу сочтете лестью; а бранить въ глаза, согласитесь, не всякому пріятно! Одно бы только желательно мнѣ знать: почему вы такъ жестоко нарушили Исторію? — Зачѣмъ ввели завязку плохую, ничтожную, тогда какъ жизнь вашего героя сама собою богата происшествіями, которыя бы, кажется, удовлетворили всѣмъ требованіямъ новѣйшей Драмы?! —

Авторъ. Вижу, что я дурно изложилъ планъ мой въ этомъ отношеніи. Мнѣ хочется, чтобы всякой читатель догадался, почему я фантазировалъ такъ, а не иначе! Прочтите все, что писалъ Тассъ, и что писано о Тассѣ; сличите сказанія его Историковъ,— вы сами согласитесь, что Исторія не всегда говоритъ правду, ибо для нея закрыты тѣ тайныя святилища страстей, куда свободно, какъ подъ волшебной шляпой Тикова Фортуната, перелетаетъ фантазія Поэта...

NN. Вы меня переговорите; въ этомъ я не сомнѣваюсь. Но еще одинъ вопросъ, — не къ дѣлу, а такъ, изъ любопытства: кому вы посвятите свою фантазію?..

Авторъ. Кому? — Тому, кто жизнь мою украситъ
Простымъ вѣнцемъ, отъ сердца и души!
Кто въ тысячахъ моихъ стиховъ угрюмыхъ
Найдетъ одинъ, достойный похвалы,
И этотъ стихъ въ своемъ запрячетъ сердцѣ;
И каждый разъ, когда я встрѣчусь съ нимъ,
Изъ сердца онъ тотъ стихъ тихонько вынетъ,
Покажетъ мнѣ и съ радостью примолвитъ:
»Ты написалъ, а я храню на сердцѣ!« —
Ему иль ей я посвящу мой трудъ! —
Да съ тѣмъ стихомъ, какъ съ факеломъ ночнымъ,
Съ начала до конца мой трудъ проходитъ —
И если смыслъ фантазіи проникнетъ,
Не правда ли, онъ будетъ другомъ мнѣ,
А добрый стихъ святымъ кольцемъ союза!...

Примѣчаніе 3. Не знаю, почему Французскія слова: acte, scène, у насъ переведены словами: дѣйствіе, явленіе? Дѣйствіе относительно къ драматическому пространству не имѣетъ никакого смысла, ибо во Французскомъ, да и во всѣхъ языкахъ главныя драматическія пространства называются событіями, по преимуществу предъ событіями, въ отдѣльныхъ явленіяхъ заключающимися. Дѣйствіемъ же въ Драмѣ можно назвать, и называется только весь ходъ произведенія, l'action, Handlung. — Изъ сего видно, что мы не

имѣемъ терминологической разницы между дѣйствіемъ Драмы и главнѣйшими событіями, въ видѣ актовъ, оную составляющими. — Болѣе странности представляетъ названіе меньшихъ драматическихъ пространствъ словомъ: явленіе, тогда какъ удаленіе дѣйствующаго лица ни въ какомъ случаѣ явленіемъ названо быть не можетъ. — Кромѣ того, глаголъ *являться*, въ отношеніи къ людямъ, употребляется только въ шутливомъ и оффиціяльномъ слогѣ. Говоримъ, правда: какъ только такой-то явился, всѣ захлопали; является Фингалъ и пр. и пр.; но въ подобныхъ случаяхъ глаголъ сей употребляемъ потому, чтобы обратить бо́льшее вниманіе слушателя на выходъ лица, чѣмъ либо занимательнаго, ибо именно занимательность лица заставляетъ употребить оный. Глаголъ сей съ тою же цѣлію поставляется, когда говоримъ о новомъ какомъ либо лицѣ или предметѣ, возбуждающемъ всеобщее участіе; напримѣръ, говоримъ: явилась новая мода, явился новый скрипачъ и проч. и проч. Но названія драматическихъ пространствъ принадлежатъ Наукѣ; посему въ оныхъ должна быть соблюдена строгая какъ грамматическая, такъ и логическая точность. — Соображаясь съ дѣйствительнымъ зна-

ченіемъ словъ, я нахожу наиболѣе соотвѣтственнымъ явленіемъ называть не выходъ лицъ, а мѣсто, на коемъ они дѣйствуютъ; а прибытіе и удаленіе лицъ означать словомъ: выходъ, обоимъ дѣйствіямъ равно соотвѣтственнымъ. Что же касается дѣйствія, какъ драматическаго пространства, — для означенія онаго я готовъ лучше употребить слово иноземное: актъ, нежели Русское, предмету вовсе несвойственное. — Я представилъ вкратцѣ мысли для того единственно, чтобы меня не прозвали мечтательнымъ и мелкимъ нововводителемъ, тогда какъ я поступилъ въ семъ случаѣ по убѣжденію. Впрочемъ, я откажусь отъ своего мнѣнія, если докажутъ противное.

Примѣчаніе 4. Стихи со знакомъ:» — я предполагалъ пропустить для представленія; ибо въ настоящемъ объемѣ моя фантазія ни какъ бы не могла существовать на нашемъ Театрѣ. Кромѣ того, я предполагалъ, при самомъ поставленіи оной на Театръ, сдѣлать нѣкоторыя сокращенія, о коихъ здѣсь и говорить нечего, ибо не знаю, когда уничтожатся обстоятельства, препятствующія представленію моего Тасса! —

ТОРКВАТО ТАССО.

Zwei sind der Wege, auf welchen der Mensch zur Tugend empor strebt;
Schliesst sich der eine dir zu, thut sich der andre dir auf.
Handelnd erringt der Glückliche sie, der Leidende duldend.
Wohl ihm, den sein Geschick liebend auf beiden geführt!

SCHILLER.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АЛЬФОНСЪ д'ЭСТЪ, Герцогъ Феррары.

ТОРКВАТО ТАССО.

КОНСТАНТИНИ, Секретарь Альфонса.

СЦИПІОНЪ ГОНЗАГО.

ГАСКАНО.

ДЖУЛІО ГАСКАНО, сынъ его.

АВГУСТИНЪ МОСТИ, Смотритель за больницею Св. Анны.

ДЖУЛІО МОСТИ, племянникъ его.

ДИРАГО.

АНТОНІО, сынъ Корнеліи Серсале.

КЛАВДІЙ РИГИ, Римскій Врачъ.

ПРИСТАВЪ за сумасшедшими.

МАРГЕРИТА, Принцесса Мантуанская, невѣста Альфонса.

ЛУКРЕЦІЯ, Герцогиня Урбино } сестры Альфонса.
ЛЕОНОРА д'ЭСТЪ . . . . . }

КОРНЕЛІЯ СЕРСАЛЕ, сестра Торквата Тасса.

БЬЯНКА, нянька ея дѣтей.

РОЗИНА, дочь Смотрителя за Феррарскимъ Герцогскимъ дворцемъ.

Князья и вельможи Италіи; Старшины Рима; Феррарскіе придворные кавалеры и дамы; три дочери Корнеліи Серсале; Римскіе благородные юноши и дѣвы; нищіе; сумасшедшіе; гости Августина Мости; N.; геній Торквата Тасса; Германскіе путешественники; Римскіе Герольды; народъ Феррарскій и народъ Римскій.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Соренто.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ Корнеліи Серсале.

ВЫХОДЪ 1-й.

АНТОНІО, *сынъ и* ТРИ ДОЧЕРИ КОРНЕЛІИ СЕРСАЛЕ *сидятъ при столикѣ за книжками; возлѣ сидитъ няня ихъ,* БЬЯНКА.

СЫНЪ.

Скажи намъ сказку, няня!

БЬЯНКА.

Полно дѣти!
Пора учиться, день ужъ вечерѣетъ,
А вы двухъ словъ еще не прочитали....

СЫНЪ.

Намъ что-то весело....

БЬЯНКА.

А будетъ скучно,
Какъ маменька воротится домой
И спроситъ васъ, зачѣмъ вы не учились?...

СЫНЪ.

Тс! по лѣстницѣ стучатъ... идутъ!

БЬЯНКА.

Ага!

А я вамъ говорила: эй, учитесь!

ВЫХОДЪ 2-й.

Тѣ же и **ТАССЪ**, (*одѣтый простолюдиномъ, вошедъ останавливается у дверей*).

БЬЯНКА.

Кто это?... Что тебѣ угодно?...

ТАССЪ.

Здѣсь ли

Корнелія Серсале?...

БЬЯНКА.

Здѣсь; а что?...

ТАССЪ.

Мнѣ нужно видѣться....

БЬЯНКА.

Пошла къ вечерни;

Но кончилась, я думаю, вечерня;

Сей часъ придетъ. — Ты сядь и отдохни.

ТАССЪ (*садится у дверей*).

Благодарю! — Какъ тихо здѣсь! Какъ будто

Живутъ не въ свѣтѣ! Это чьи малютки?

БЬЯНКА.

Корнелія Серсале....

ТАССЪ.

Боже правый!
Она ужъ мать! — и четырехъ дѣтей,
Какъ жизнь свою, какъ радость, обнимаетъ;
А я еще на свѣтѣ — сирота!

БЬЯНКА.

Ты не женатъ?

ТАССЪ.

Не знаю!

БЬЯНКА.

Какъ не знаешь?

ТАССЪ.

Ахъ! я имѣлъ прекрасную подругу!
Казалось мнѣ, что я былъ съ нею связанъ
Божественнымъ какимъ-то, высшимъ бракомъ;
Вся жизнь была — торжественная свадьба!
Мы каждый день другъ друга принимали
Въ горячія объятья... но не долго
Я тѣшился моимъ летучимъ счастьемъ....

БЬЯНКА.

Что жъ, умерла твоя жена?

ТАССЪ

О! нѣтъ!
Но улетѣла!

БЬЯНКА.

Это право чудно!
А какъ зовутъ твою подругу?

ТАССЪ.

Слава!

БЬЯНКА.

Такого имени я не слыхала. —
Ты вѣрно иностранецъ?

ТАССЪ,

Да! ты права!

БЬЯНКА.

А изъ какой страны?

ТАССЪ.

О, изъ далёкой!
Но, впрочемъ, у меня есть двѣ отчизны:

БЬЯНКА.

Какъ двѣ?

ТАССЪ.

Въ одной мое родилось тѣло,
Въ другой душа!

БЬЯНКА, *(отходя къ дѣтямъ въ смущеніи).*

Что это, Боже мой?

СЫНЪ.

Кто это, няня! няня!

БЬЯНКА.

Сумасшедшій!

ДѢТИ (*въ испугѣ прижимаясь къ Бьянкѣ*).

Ахъ Боже мой, какъ страшно!

БЬЯНКА.

Успокойтесь!
Онъ ничего не сдѣлаетъ худаго,
Онъ только говоритъ не то, что надо!

ТАССЪ (*тихо*).

Часъ слишкомъ! нѣтъ сестры! она придетъ!
Мое письмо возьметъ изъ рукъ моихъ же,
Прочтетъ его и пожалѣетъ Тасса!
А я, спокойно стоя у дверей,
Въ лицѣ ея прочту всѣ впечатлѣнья, —
Какія на нее письмо навѣетъ.
Но вотъ она....

ВЫХОДЪ 3-й.

Тѣ же и КОРНЕЛІЯ СЕРСАЛЕ.

(*Тассъ подходитъ къ ней и почтительно отдаетъ письмо*)

КОРНЕЛІЯ.

Письмо! И отъ кого бы?...

(*Съ любопытствомъ развертываетъ письмо, читаетъ и заливается слезами; Тассъ бросается къ ней и обнимаетъ.*)

ТАССЪ.

Корнелія! Весь міръ меня оставилъ,
Я самъ себя оставилъ, но въ слезахъ
Моей сестры я снова возродился!

Я снова не одинъ на этомъ свѣтѣ!
Друзья, отечество, родители,
Весь міръ, вся жизнь въ тебѣ совокупились,
Чтобъ воскресить хладѣющаго Тасса!

КОРНЕЛІЯ.

Мой братъ!

ТАССЪ.

Не говори, не говори!
Я весь въ жару, какъ въ первый день восторга,
Которымъ жизнь меня благословила.
Дай высказаться пламенному чувству!

Но что жъ скажу? Чувствъ много, мало словъ,
И тѣ, какъ наше счастье, слабы, бѣдны!
»Что нашъ языкъ? — печальный отголосокъ
»Торжественнаго грома, что въ душѣ
»Гремитъ святымъ, какимъ-то мощнымъ звукомъ!
»— Но ты молчишь? ты съ горькимъ состраданьемъ,
»Какъ на безумнаго, на Тасса смотришь?
»Безумный! Да! — О если бъ ты могла
»Безумье то почувствовать въ себѣ,
»Которымъ я всю жизнь мою терзался!
»Вообрази блистательное солнце:
»Вокругъ него чернѣютъ тучи; громъ
»Катается въ тяжелой атмосферѣ,
»И солнце то, — что жаркими лучами
»Могло бъ весь свѣтъ обрушить въ груды пепла —

»Презрѣнныя затягиваютъ тучи!...
»При всемъ желаніи благотворить
»И согрѣвать существованье міра, —
»Оно должно смотрѣть на разрушенье
»И помощи своей подать не можетъ!
»О, такъ и я, въ сообществѣ людей,
»Стоялъ, какъ солнце, въ мрачныхъ, черныхъ тучахъ;
»Куда я лучъ любви ни посылалъ,
»Какъ отъ скалы онъ быстро отражался,
»И, — возвратясь ко мнѣ, — мою же грудь
»Жегъ пламенемъ позорной неудачи!
»Ты не жила на свѣтѣ!... поживешь!...
»Узнаешь ты, какъ люди черны, злобны;
»Какъ сердце ихъ упитано порокомъ;
»Родъ человѣческій безплодной нивѣ
»Подобенъ;... иногда на ней цвѣтутъ
»Цвѣты, но никогда плоды не зрѣютъ!...«

КОРНЕЛІЯ.

О перестань! сядь лучше, отдохни!
Ты такъ усталъ, измучился дорогой!

(Садятся.)

ТАССЪ.

Дорогой? — нѣтъ! — отъ жизни я усталъ,
Измучился отъ славы и безславья,
Которыми меня покрыли люди!
Не слышала ты повѣсти моей?...
Я разскажу....

КОРНЕЛІЯ.

Пусть послѣ, а теперь
Ты отдохни!... Ты вѣрно ничего
Не ѣлъ еще сегодня. Бьянка! что ты
Какъ не своя; пора готовить ужинъ,
А ты стоишь, какъ Римская статуя!
Возьми дѣтей!

СЫНЪ.

Позвольте намъ остаться
Намъ слушать хочется, какъ дядя сказку
Свою разскажетъ....

КОРНЕЛІЯ.

Нѣтъ! возьми ихъ, Бьянка!

ВЫХОДЪ 4-й.

ТАССЪ и КОРНЕЛІЯ.

ТАССЪ.

Не безпокой, сестра, своихъ домашнихъ
Ради меня; я сытъ прошедшимъ горемъ
И настоящимъ счастіемъ свиданья!
Корнелія! Я пресыщался въ мірѣ
Богатыми и пышными пирами;
Блестящія одежды, золотыя,
Меня не согрѣвали; я озябъ
Отъ стужи свѣта; а сегодня
Въ твоихъ объятіяхъ я отогрѣлся,
Насытился твоимъ прекраснымъ видомъ. —

Корнелія! ты ангелъ на земли!
Теперь я чувствую, что слава — глупость;
Что тихій день семейственнаго счастья
Пріятнѣе рукоплесканій свѣта,
И долѣе, чѣмъ вѣкъ невѣрной славы!

КОРНЕЛІЯ.

Ты забывалъ меня, и почему
Ты не писалъ ко мнѣ....

ТАССЪ.

О! въ этомъ свѣтѣ
И самъ себя безъ умыслу забудешь!
Сначала все кипитъ въ угодность нашу....
За мелкое добро — всѣ превозносятъ,
А за великое — питаютъ злобу;
Тотъ согрѣшилъ, кто смѣлъ передъ людьми
Возвыситься необычайнымъ дѣломъ!
»— И кажется, что въ этомъ мелкомъ мірѣ
»Одинъ порокъ блаженствуетъ вполнѣ.
»О если бъ ты могла взглянуть на свѣтъ!
»Чего тамъ нѣтъ? Умъ, глупость въ тѣсной дружбѣ;
»Тщеславіе подъ маской доброты, —
»А хвастовство подъ видомъ состраданья!
»Любовь въ словахъ, злость въ сердцѣ, въ златѣ разумъ!« —
О! страшенъ свѣтъ, Корнелія; молись,
Чтобъ не далъ Богъ тебѣ — его увидѣть!

КОРНЕЛІЯ.

Я ужъ жилá лѣтъ тридцать, слава Богу!

Видала свѣтъ и полюбила свѣтъ!
А если бъ мужъ мой жилъ еще, тогда бы
Я находила счастье только въ свѣтѣ.
Какъ не любить людей спокойныхъ, добрыхъ,
»Когда Христосъ велѣлъ любить враговъ? —

ТАССЪ.

»Корнелія! я сдѣлался безбожникъ,
»Молясь Творцу, Апостоламъ, Святымъ; —
»Нося въ груди чувствительное сердце,
»Я каждый день съ слезами на очахъ
»Молилъ Творца, Пречистую Марію,
»Чтобы терпѣнія мнѣ больше дали;
»А у меня росла нетерпѣливость —
»И горесть. Я просилъ, чтобы несчастья
»Смягчилъ Господь, а Онъ ихъ умножалъ,
»И съ каждымъ днемъ я больше былъ несчастенъ.
»Я умолялъ, чтобъ даръ волшебныхъ пѣсень
»Былъ отнятъ у меня, — мнѣ въ облегченье, —
»А Богъ наслалъ безумье на меня....
»И я позналъ, что я противенъ Богу,
»Что на моихъ устахъ молитвы нѣмы,
»Что идолъ славы свѣтской — врагъ небесной!
»Что мнѣ не рай, а жаркій адъ назначенъ!
»И мнѣ любить людей, когда они
»Всего меня лишили — даже права
»Питать надежду!... мнѣ любить людей!!
»Погибни родъ преступнаго Адама!
»Онъ первый согрѣшилъ, и всѣхъ людей

»Опоясалъ способностью грѣшить....
»И люди тѣ, въ порокахъ утопая,
»Боятся добродѣтельнаго видѣть;
»Всѣ хитрости употребить готовы,
»Чтобъ только и его грѣху подвергнуть....

КОРНЕЛІЯ.

»Безбожныя, Торкватъ, питаешь мысли,
»И Богъ тебя достойно наказуетъ!
»Не можетъ быть, чтобъ только злые люди
»Тебя ввели въ такое заблужденье!
»Молись, Торкватъ, но съ терпѣливой вѣрой,
»Съ раскаяньемъ, и Богъ тебя услышитъ!
»А люди столько зла не въ силахъ сдѣлать,
»Чтобы кого лишить любви и вѣры!« —

ТАССЪ.

Корнелія! Не знаешь ты меня!
Моей судьбы, коварной и притворной,
Не знаешь ты! Двѣнадцать лѣтъ мнѣ было,
Когда съ тобой и съ матерью моей
Я разлучился и къ отцу поѣхалъ!
Отецъ былъ въ Римѣ. Я пріѣхалъ утромъ.
Въ сіяніи торжественнаго солнца,
Казалось, Римъ горѣлъ лучами славы;
Казалось мнѣ: пророчествомъ какимъ-то
Привѣтствовалъ меня великій городъ!
Недѣли я не прожилъ у отца,
Какъ вдругъ письмо пришло къ намъ роковое,
Что я уже безъ матери на свѣтѣ!

За днями дни текли чредой обычной,
И наша грусть стихала понемногу;
Сначала мысль объ ней сливалась съ горемъ,
Потомъ съ надеждой, наконецъ съ молитвой....
Но вдругъ судьба опять на насъ озлилась;
Свирѣпый Карлъ, разгнѣванный на Папу,
Велѣлъ на Римъ итти Герцогу Альбѣ.
Ужъ въ Остіи толпилися Имперцы,
Ихъ крики доходили въ Римъ. Родитель
Хотѣлъ бѣжать; онъ зналъ, что Императоръ
Несчастнаго накажетъ грозной смертью,
Но обо мнѣ родитель больше думалъ,
Чѣмъ о себѣ, и, въ ночь, какъ страшный Альба
Готовился на приступъ, онъ меня
Отправилъ въ древній, мрачный замокъ Тассовъ!
Не буду говорить, какъ долго я
Учился.... О! теперь мнѣ только жалко,
Что я всю жизнь на книгахъ основалъ;
Теперь ужъ мнѣ понятно, почему
Ученые такъ мрачны и печальны!
А прежде — я ученіе считалъ
Великимъ благомъ! Надъ Платономъ часто
Я ночи проводилъ безъ сна, въ забвеньи
»Развязывалъ его святыя мысли
»И новый міръ на старомъ воздвигалъ!
»О, я постигъ всю мудрость человѣка,
»— Мечталось мнѣ — и тайну бытія
»Я подсмотрѣлъ. Теперь я буду счастливъ;
»Я знаю все, что было, есть и будетъ;

»Я разгадалъ людей, ихъ умъ, ихъ страсти;
»Я буду жить и весело и мирно
»Подъ куполомъ небесъ и славы!« — »Что же?«
Надъ книгой было хорошо (*съ горькой усмѣшкой*), а въ жизни?!..

(*Послѣ нѣкотораго молчанія.*)

Какъ часто я смѣялся поселянамъ,
Которые, воздѣлывая землю,
Не думали, что былъ Гомеръ на свѣтѣ,
И бѣдной пѣснью — бѣдность запѣвали!
Не зная о Философахъ и книгахъ,
Царю Царей молились такъ усердно,
И счастіе ихъ свыше осѣняло....
Дивился я, никакъ не постигалъ:
Какъ могутъ быть они счастливы? Горько
Меня суровый опытъ разувѣрилъ!
Я встрѣтилъ тѣхъ же поселянъ — на полѣ,
Съ тѣмъ самымъ счастіемъ, — а я,
Прославленный, превознесенный, гордый, —
Несчастнѣе, презрительнѣе, ниже....

КОРНЕЛІЯ.

Стыдись, Торкватъ....

ТАССЪ.

Стыжусь, сестра, стыжусь,
Что я давнымъ давно не бросилъ свѣта
И отъ людей не спрятался въ пустынѣ,
Въ какомъ нибудь лѣсу; но дай мнѣ кончить.
По долгихъ бѣдствіяхъ, отецъ и я
Въ Венецію пришли; тамъ нашъ родитель

Хотѣлъ издать Поэму: Амадисъ,
И мнѣ велѣлъ ее переписать.
Я переписывалъ его творенье,
Но съ жаркими слезами сожалѣнья,
Что не могу и самъ я сочетать
Такихъ стиховъ. — Однажды я писалъ, —
Какъ вдругъ перо въ рукѣ остановилось,
Кровь вспыхнула, дыханіе стѣснилось;
Въ моихъ глазахъ и блескъ и темнота,
И чудная какая-то мечта
Пролилась въ грудь; незримый, горній геній
Обвилъ чело перуномъ вдохновеній,
И радостно горящая рука
Вдругъ излила два первые стиха
Еще... и потекли четой согласной,
Съ какой-то музыкой живой, прекрасной,
Кудрявые и сладкіе стихи.
Они текли; — чѣмъ больше я писалъ,
Тѣмъ больше я счастливцемъ становился.
Корнелія! обыкновенно люди
Поэзію зовутъ пустой мечтой,
Пустыхъ головъ ребяческой горячкой.
Но какъ же пустъ, бездушенъ человѣкъ,
Когда онъ самъ, рукою дерзновенной
Отводитъ чашу чистыхъ наслажденій!
Онъ говоритъ: Поэзія мечта
И дѣльному занятію мѣшаетъ!
Но что же дѣльнаго и въ жизни цѣлой?
Что жизнь сама? — Безсонница страстей!

»Не лучше ли, — чтобы заснуть спокойно
»И утонуть въ пріятныхъ сновидѣньяхъ, —
»Не лучше ли, я говорю, сдружиться
»Съ единственнымъ, прекраснымъ на землѣ,
»Которое душъ нашихъ не погубитъ,
»Не обольститъ, коварно не обманетъ?
Поэзія есть благовѣсть святая
О неизвѣстной, вѣчной красотѣ!
»И колокольный звонъ — бездушный звукъ,
»Но какъ онъ святъ и важенъ для того,
»Кто любитъ въ храмѣ помолиться Богу!
»Не онъ ли намъ о Небѣ говоритъ?
»Не онъ ли намъ объ адѣ вспоминаетъ?
»И колоколъ, — вещественный языкъ
»Каръ безконечныхъ, безконечныхъ благъ
»Иному другъ, иному тяжкій врагъ!
»Не то ли и Поэзія святая? —
За что жъ она *недѣльное* на свѣтѣ!
Я не могу неблагодарнымъ быть;
Поэзія всю жизнь мою создала,
Украсила мой голосъ сладкимъ звукомъ,
Умъ — мыслію, достойной человѣка;
Но счастіе мое — вѣнцемъ терновымъ!
»Я дорого купилъ земную славу!
Въ несчастіяхъ меня то утѣшало,
»Что лучшія настанутъ поколѣнья,
»И жизнь и умъ наукой обновятъ;
»И я тогда возстану между ними,
»И мертвымъ языкомъ моихъ твореній

»Пересоздамъ ихъ въ добрыхъ, благородныхъ!
»О радостно съ цвѣтовъ воображенья
»Сбирать питательный, душистый медъ,
»Чтобъ жизнь земныхъ младенцевъ услаждать,
»Порока и судьбы дѣтей невинныхъ!

КОРНЕЛІЯ.

Братъ дорогой! Какъ слѣпо вѣришь ты
Пустымъ мечтамъ! Есть лучшія мечты
Любовь....

ТАССЪ (*вскакиваетъ*).

Любовь, Корнелія, любовь!!...
О! я любилъ; но, въ глупомъ ослѣпленьи,
Считалъ любовь ребяческой игрушкой,
Забавой для очей, а не для сердца.
Я не хотѣлъ души обезобразить
Какимъ нибудь тѣлеснымъ, низкимъ чувствомъ! —
Корнелія! ты одного любила
Ты, можетъ быть, — обыкновеннымъ сердцемъ,
Обыкновенной страстью закипѣла,
Влюбилась въ нѣгу жаркихъ наслажденій,
И счастлива! Твой подвигъ совершенъ
И наслаждаешься теперь плодами
Минувшей сладкой страсти.... Такъ! а я
Влюбился, какъ дитя, въ прелестный образъ
Двухъ демоновъ, подъ ангельской одеждой!

КОРНЕЛІЯ.

Какъ, ты влюбился не въ одну?

ТАССЪ.

Смѣшно?
Платонъ тогда лишилъ меня разсудка!
Казалось мнѣ, что долженъ я любить
Не дѣву самую, а прелесть дѣвы!
И я, какъ предъ картинами художникъ,
Пилъ жадными очами наслажденье
Въ очахъ Лукреціи и Леоноры!
Торжественно свершались чудеса
Въ моей душѣ преображенной; страсти
Сначала улеглись спокойнымъ моремъ;
Казалось мнѣ, что никогда ихъ буря
Моей души не потревожитъ. Тщетно!...
Когда въ груди жаръ первыхъ впечатлѣній
Охолодѣлъ отъ частаго свиданья;
Когда, въ земную прелесть ихъ вглядѣвшись,
Я въ нихъ узналъ обыкновенныхъ *женщинъ*;
То и во мнѣ проснулся *человѣкъ*;
Но человѣкъ съ ужасными страстями,
Съ земнымъ умомъ, съ надеждами земными!
»Какъ бѣшено во мнѣ кипѣла кровь
»И сердце, жадное земныхъ восторговъ,
»Рвалось... а умъ давалъ ему совѣты,
»Холодные, разумные совѣты!
»Хотѣлось мнѣ любить какъ человѣку,
»И чудомъ быть безумному хотѣлось!...
»О робкій умъ! О гордый умъ! зачѣмъ ты
»Жаръ счастія такъ злобно охлаждаешь?
»На что же созданъ человѣкъ? На горе?...

»Сомнительно! Есть блага на землѣ,
»Для избранныхъ назначенныя Небомъ,
»Но кто же избранный на эти блага?...

КОРНЕЛІЯ.

»Такъ ты любилъ?

ТАССЪ

И какъ еще любилъ!«
Лукреція! дни быстро льются въ вѣчность,
День ото дня становится мнѣ хуже;
Но если вдругъ воспоминаньемъ сладкимъ
Осиротѣлый духъ мой посѣтится,
Я снова живъ и снова я въ Пезаро!
Твоихъ очей, брильянтовыхъ очей
Чудесный блескъ, и музыка рѣчей,
И пламенныхъ и умныхъ и высокихъ,
И буря чувствъ и страстныхъ и глубокихъ,
Стихія та, изъ коей ты одна
Такъ сладостно, роскошно создана, —
Все, все во мнѣ, какъ нѣкій рай сердечный
Гдѣ въ первый разъ, спокойный и безпечный,
Я жизнь вкусилъ и жизнь похоронилъ!
»Корнелія! не знаешь ты ея!
»Бывало день откроетъ только очи
»И дѣвственнымъ покроется румянцемъ,
»Я ужъ въ саду Дворца Кастель-Дуранте!
»И выглянетъ она черезъ окошко
»Прекрасная, какъ Итальянскій день,

»И зазоветъ меня къ себѣ. О случай!
»Какъ часто ты сердца удачно сводишь,
»Какъ часто ихъ разводишь неудачно!
»А мужъ ея, былъ мужъ обыкновенный,
»Пустой и хладнокровный; онъ смотрѣлъ
»На дивное созданье красоты
»Какъ на простую принадлежность дома,
»Гдѣ всякій Князь имѣть хозяйку долженъ!«
    Сестра ея, младая Леонора,
Еще прекраснѣе была; въ очахъ
Свѣтилися Архангельскіе взоры;
Всегда скромна, всегда горда и важна,
Она цвѣла, какъ нѣкая богиня
И, какъ зари румяной — первый блескъ,
Поэту день прекрасный обѣщала;
Но гдѣ же ты, обѣтованный день?
Гдѣ сладкія грядущаго надежды?
Повѣялъ вѣтръ и облака нанесъ
На свѣтлое моихъ гаданій небо!
И облака сгустились; мощный духъ
Перуномъ ихъ воспламенилъ ужаснымъ,
И небо то и съ тучами и съ громомъ,
На голову безумнаго пѣвца
Упало! . . . . .
Но полно! Судъ свершенъ, небесный пламень
Въ обыкновенный пламень обратился;
А онъ не такъ опасенъ, можно снесть
Его безсильный и покойный жаръ.
Корнелія! не вспоминай мнѣ болѣ

О радостяхъ и горестяхъ прошедшихъ.
И радости мои ужаснѣй горя,
Что жъ горе самое?

КОРНЕЛІЯ.

Я ужъ давно
Прервать хотѣла разговоръ столь тяжкій!
»Скажи мнѣ лучше, что теперь ты пишешь?

ТАССЪ.

»Теперь не до того! Болѣзнь и горе
»Мнѣ изсушили цвѣтъ воображенья;
»Все, что теперь ни силюсь я создать,
»Нестройный видъ какой-то принимаетъ.
»И совѣстно передъ самимъ собой,
»Что обстоятельства пустаго свѣта
»Такъ сильны надо мной! Пусть говорятъ,
»Что цѣпь пустыхъ, неважныхъ обстоятельствъ
»Поэта не опутаетъ. Неправда!
»Отъ случая зависитъ все: и радость,
»И горе, и любовь, и даже геній!
»Все случая игривое созданье!
»Какъ часто мысль прекрасную найдешь,
»И съ гордостью находку сохраняешь;
»А случай мысль прекрасную украдетъ
»Изъ зависти и броситъ въ ту пучину,
»Гдѣ ничему не будетъ воскресенья!
»Какъ часто: вотъ! ужъ создалась картина
»Великая, изящная, живая;

»А случай принесетъ пустаго шута,
»Начнетъ болтать, вниманье развлечетъ
»И глупостей обильная рѣка
»Забрызгаетъ великую картину!
»И силишься ее припомнить; поздно!
»Она представится воображенью
»Въ позорныхъ пятнахъ! Если бъ было можно
»Ее омыть; но кто омоетъ умъ
»Отъ грязныхъ впечатлѣній обстоятельствъ?

КОРНЕЛІЯ.

Скажи, Торкватъ, зачѣмъ въ такой одеждѣ
Приходишь ты въ родимую Соренто?

ТАССЪ

Зачѣмъ орелъ скрывается въ пустынѣ? —
— Сестра, сестра! о если бъ знала ты,
Какъ бѣшено Торквата гонитъ жребій!
Альфонсъ изгналъ; возненавидѣлъ онъ
Поэта гласъ, боготворившій Бога!
Любви его не понимаетъ Герцогъ
И ненависти, ненависти жаждетъ...
А тамъ враги, совсѣмъ другаго рода
Ославили безбожникомъ Поэта,
За то, что онъ чистосердечной лирой
Святую пѣснь гремѣть не убоялся!
И вотъ вездѣ, — куда ни обращу
Унылый взоръ, — мнѣ нѣтъ гостепріимства!
Завистливо коварство примѣчаетъ

Мои шаги и смерти Тасса жаждетъ!
Италія совокупила ковы
И весь народъ въ теснѣйшемъ заговорѣ
На мой покой, на честь и на свободу.
И что жъ? Кругомъ я слышу: Тассъ безбожникъ,
Тассъ еретикъ!... Сначала, — и донынѣ
Въ народѣ слухъ живетъ, что я волшебникъ!
Что сладкій стихъ Торквата — хитрость ада!
И мало ли другихъ ужасныхъ слуховъ?!
Напрасно я въ торжественномъ соборѣ,
Въ Болоніи, въ лицѣ духовниковъ,
Смиренно заблужденья исповѣдалъ;
Напрасно я, въ очахъ безумной черни
Молился и добро творилъ! Напрасно!
У зависти нѣтъ ни очей, ни слуха;
»Да будетъ проклятъ Тассъ!« — Вездѣ гремѣло,
»Да поразитъ его небесный гнѣвъ!« —
И можно ли мнѣ вѣрить въ безопасность!

КОРНЕЛІЯ

О милый братъ! Ты весь въ однѣхъ мечтахъ!
Безумный не боялся бъ этихъ слуховъ;
А при твоемъ умѣ легко постигнуть,
Что это зависть по угламъ шипитъ
И ядъ ея до Тасса не достигнетъ!

ТАССЪ.

Уже достигъ! Ей удалось меня
Съ ума свести. Находитъ часъ такой,

Что мысли всѣ мѣшаются, кружатся.
Сквозь помѣшательство и чувствъ и мыслей,
Мнѣ чудятся: Альфонсъ и Леонора,
Лукреція, злодѣи, обвиненья,
Густая чернь и громкій крикъ: безбожникъ,
Волшебникъ, еретикъ!! Все это — Тассъ,
Пѣвецъ Іерусалима! — Боже правый!
Вотъ мой вѣнецъ! Уже по всей Европѣ
Растетъ молва, что обезумѣлъ я,
Что проклятъ я, что я злодѣй, преступникъ!
И если ты, сестра, еще чиста,
Когда тебя не подкупила зависть... (*беретъ ея руку*).
Храни меня! не выдавай злодѣямъ!
Вездѣ куютъ оковы для Торквата;
Вездѣ тюрьма открыта для меня;
Проклятіе какое-то я слышу
И дикій смѣхъ завистниковъ Поэта!!

ВЫХОДЪ 5-й.

Тѣ же и ДИРАГО.

КОРНЕЛІЯ.

Дираго, здравствуйте! (*Тассу*) Вотъ мой старинный
Сосѣдъ и другъ!... (*Дираго*) Что такъ печальны вы?

ДИРАГО.

Не всё же веселиться!...

КОРНЕЛІЯ.

Италіянцу
Печалиться и плакать не прилично!

ДИРАГО.

Не плачу я, и плакать не умѣю,
А такъ сгрустнулось!...

КОРНЕЛІЯ.

Что же? Всѣ ли дома
У васъ здоровы?

ДИРАГО.

Слава Богу! Всѣ!
Моя жена велѣла поклониться.
Ну, а у васъ?...

КОРНЕЛІЯ.

Благодаренье Небу!
Антоніо ужъ началъ поправляться,
А дочери уже давно здоровы....
Что новаго?

ДИРАГО.

Соренто наше глухо,
И глупо! Ничего въ немъ не узнаешь!
Но вотъ письмо я получилъ сегодня.

КОРНЕЛІЯ.

Откуда?

ДИРАГО.

Изъ Феррары!...

ТАССЪ (*съ живостью*).

Что жъ вамъ пишутъ?

ДИРАГО.

Вотъ, что Альфонсъ вступаетъ въ славный бракъ
Съ Принцессой Мантуанской Маргеритой ;
Что при Дворѣ теперь приготовленья,
Отдѣлываютъ комнаты прекрасно,
Что собрались Поэты, музыканты,
Ваятели и Живописцы свѣта,
Чтобъ празднество Альфонсово украсить !
Другая новость очень непріятна!
Скрывать отъ васъ я не щитаю нужнымъ ;
Но, Бога ради, не тревожьтесь! Время
Исправитъ все....

КОРНЕЛІЯ (*съ нетерпѣніемъ*).
Скажите поскорѣе!...

ДИРАГО.

Ахъ!... Братецъ вашъ немного помѣшался;
Влюбился въ Герцогиню Леонору,
Съ ней тайно объяснился и — ушелъ!
Но велѣно вездѣ его искать.....

ТАССЪ (*въ припадкѣ сумасшествія выходитъ на предсцену*).

А! заговоръ!... Мнѣ здѣсь не безопасно!...
Корнелія и дѣти въ заговорѣ!...
Какъ онъ узналъ, что я пришелъ въ Соренто?...
И не она ль сама послала ихъ
Увѣдомить коварнаго сосѣда?
Вся кара для меня была изгнанье ;

Но вотъ теперь одумались злодѣи,
И жизни бѣдной ищутъ!... Не удастся!

КОРНЕЛІЯ *(съ безпокойствомъ подходя къ Тассу).*

Братъ дорогой! (Ахъ! что мнѣ дѣлать съ нимъ)?
Мой милый братъ! ты, кажется, встревоженъ!

ТАССЪ *(въ томъ же состояніи).*

Ни мало! (Да! я точно помѣшался!
Хочу сказать одно, а говорю
Совсѣмъ другое).

КОРНЕЛІЯ.

(Какъ я виновата!
Дираго не сказала, кто онъ.) Милый,
Любезный братъ).

ТАССЪ *(вырываясь изъ рукъ Корнеліи).*

Да полно проклинать!
Подслушивать, сосѣдъ и другъ, нечестно!

(Отходя.)

Какъ изъ сѣтей мнѣ выйти? Голова
Моя кружится! до чего я дожилъ!
Какъ мнѣ уйти?... Пойдемъ, Альфонсъ, пойдемъ!

(Встрѣчая Дираго.)

Разбойникъ! трепещи Торквата Тасса!
Не смѣй ни шагу сдѣлать (онъ труслив,
А я уйду!) Прощайте, доброй ночи!
Корнелія! весь заговоръ вашъ лопнулъ!...

(Поспѣшно уходитъ.)

КОРНЕЛІЯ (*также поспѣшно за нимъ слѣдуетъ*).

Торкватъ! Мой братъ!

ДИРАГО (*медленно уходя, въ размышленіи*).

Онъ въ правду помѣшался!
Великій Тассъ!... Чѣмъ больше умъ, тѣмъ хуже!...
(*Темнѣетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Дорога въ Портичи; вдали видно море; къ сѣверо-западу — Везувій, надъ коимъ горитъ слабое пламя.

ВЫХОДЪ 1-й.

ТАССЪ (*одинъ, вышедъ на дорогу, останавливается. Ночь*).

Темно, какъ въ сердцѣ женщины. Давно
Корнелія ужъ спитъ и обо мнѣ
Не мыслитъ. Пусть не мыслитъ. Слава Богу!
Я вырвался изъ родственныхъ объятій,
Простертыхъ на коварную погибель;
Свободенъ, но куда теперь идти?
Вотъ море, чудное, какъ мысль Поэта,
Какъ мысль Поэта необъятно!... Тихо
Оно лежитъ въ обширной колыбели!
Съ какимъ смиреніемъ, на персяхъ ясныхъ,
Оно дѣтей земли коварной носитъ!...
И тамъ, — гдѣ самый умъ бы утонулъ

Въ безбрежности, для мысли недоступной, —
Тамъ ноги слабыя созданій слабыхъ
Безвредно ходятъ. — Все для человѣка,
Великое покорно человѣку,
Прекрасное покорно человѣку; —
Чему же самъ покоренъ человѣкъ?!...

(*Вздохнувъ, продолжаетъ итти,...*
увидѣвъ Везувій, останавливается).

А тамъ другой естественный Поэтъ!
Онъ и въ ночи своимъ огнемъ пылаетъ
И далеко его вѣнецъ горитъ.
Кто раскалилъ въ немъ каменное сердце
И желчь свою излить на міръ заставилъ?
Не люди ли, усѣвшись близъ него,
Ужасными дѣяньями своими
Въ немъ адское зажгли негодованье?
Не Богъ ли самъ хотѣлъ представить людямъ
Того огня малѣйшую картину,
Который ихъ пожретъ за ихъ злодѣйства?
Но тщетно все! Безсмысленныя дѣти,
Они умомъ толкуютъ Божій гнѣвъ,
Естественныхъ причинъ для чуда ищутъ!...

ВЫХОДЪ 2-й.

ТАССЪ и толпа НИЩИХЪ (*которые, увидѣвъ Тасса, осыпаютъ его*).

ПЕРВЫЙ НИЩІЙ.

Ради Спасителя,
Господа Бога,
Дайте несчастному!

ВТОРОЙ.

Ради Пречистыя
Дѣвы Маріи,
Дайте на хлѣбъ!

ТРЕТІЙ.

Ради Апостоловъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ради Святаго Антонія!

ПЯТЫЙ.

Ради Святаго Бернарда!

ШЕСТОЙ.

Ради Святаго Онуфрія!

ТАССЪ.

Друзья! къ чему вамъ всуе призывать
Святыя имена? Побойтесь Бога!
Вамъ деньги надобны? — Вотъ десять скуди....
Я больше не имѣю.

НИЩІЕ (*въ сторону*).

Десять скуди!

ТАССЪ.

Скажите мнѣ, зачѣмъ въ такую ночь
Вы ходите толпами?

НИЩІЕ.

Десять скуди!

ТАССЪ.

Скажите мнѣ, зачѣмъ не спите вы,
Когда всѣ спятъ?

ПЕРВЫЙ НИЩІЙ.

Полъ-скудо мнѣ!

ВТОРОЙ.

Мнѣ цѣлую

СТАРИКЪ.

За что?

ВТОРОЙ.

Я далъ совѣтъ
Пойти по этой счастливой дорогѣ. —

СТАРИКЪ.

И безъ тебя!... Да что тутъ толковать?
Насъ двадцать, всякому изъ насъ полъ-скудо.
(*Къ Тассу.*)
Вы что-то говорили?

ТАССЪ.

Да, мой другъ!
Я спрашивалъ, зачѣмъ не спите вы,
Когда всѣ спятъ?

СТАРИКЪ.

Несчастіе не спитъ,
А мы его родныя дѣти. »Горе,
»Знать, никогда вамъ не было извѣстно.
»Когда же лучше плакать, какъ не ночью?
»Мы ночью горькихъ слезъ своихъ не видимъ,
»А днемъ не только видимъ ихъ, но слышимъ;
»Въ несчастіи безчувственныя вещи

»Жизнь и языкъ ужасный принимаютъ,
»И мѣсто то, — гдѣ горькая слеза
»Отъ полноты страданія упала, —
»Собой всегда воспоминанье будитъ,
»Которое ужаснѣе несчастья. —
»Днемъ нѣкому повѣрить ничего;
»Весь свѣтъ въ рукахъ пустаго человѣка;
»А ночью тихая природа, молча,
»Не прерывая, слушаетъ страдальца,
»И тайнъ его не обнаружитъ дерзко,
»А сохранитъ въ своемъ священномъ сердцѣ
»И мрачность ихъ своимъ умножитъ мракомъ.« —

ТАССЪ.

Но кто васъ ввелъ въ такую бѣдность?

СТАРИКЪ.

Кто?
Несчастія. —

ТАССЪ.

Какія? —

СТАРИКЪ.

Мало ль ихъ? —
Меня жена на свѣтъ съ сумой пустила;
Его законъ, его богатый баринъ,
Который обокралъ его учтиво;
Тому наскучила работа, свѣтъ;
Тому науки; всякъ свое имѣетъ....

ТАССЪ

Не понимаю.

СТАРИКЪ.

Мало ли чего
Не понимаемъ мы, что есть на свѣтѣ;
Однако жъ есть...

ТАССЪ,

Но какъ могли науки
Наскучить?

СТАРИКЪ.

Какъ? Что лучше нашей жизни?
А мало ли самоубійцъ на свѣтѣ? —

ТАССЪ.

Ты, кажется, ученъ?

СТАРИКЪ.

Ученъ, и очень!

ТАССЪ.

Но кто жъ учитель твой?

СТАРИКЪ.

Жена и горе. —
Жена — меня молиться научила,
Сначала, — чтобъ избавиться отъ ней,
Потомъ, — чтобы насущный хлѣбъ достать;
А горе — научило здраво мыслить: —
Вотъ вся моя наука.

ТАССЪ.

Ты несчастливъ,
Однако жъ веселъ. —

СТАРИКЪ.

Слезы не поправятъ
Моей судьбы; когда была надежда,
Тогда еще и слезы были сладки;
Теперь онѣ и горьки и напрасны,
А горечи у насъ и такъ довольно.
Но, добрый человѣкъ, не вѣкъ быть съ вами;
Не худо бы намъ помнить ваше имя.

ТАССЪ.

Къ чему вамъ имя селянина?

СТАРИКЪ.

Правда,
Вы селянинъ; однако же по деньгамъ,
По разговорамъ, вы не селянинъ.

ТАССЪ.

Какъ? десять скуди?...

СТАРИКЪ.

Страшное богатство
Для селянина. Въ цѣломъ Королевствѣ
Народъ бѣднѣе насъ; а что же мы?... —
Скажите ваше имя....

ТАССЪ.

Безполезно
Вамъ знать его. — Я самъ забыть стараюсь
Мое несчастное названье.

СТАРИКЪ.

Боже!
И вы несчастны? Въ сонмѣ человѣковъ

Я вижу нѣтъ ни счастья, ни несчастья:
Богатые свой жребій проклинаютъ,
Мы говоримъ, что счастіе въ богатствѣ!

ТАССЪ.

Увы! Старикъ, ты правъ. Для человѣка
Ни бѣдствія, ни счастья нѣтъ въ природѣ.
Изъ страсти въ страсть, въ желанье изъ желанья
Перебѣгаетъ сердце человѣка!
Всѣ, всѣ живутъ желаніемъ инаго,
Всѣ ищутъ милости *слѣпой* фортуны,
Которая имъ слѣпо даровала
И славу, и богатство. Даже вы,
Вы, безъ надеждъ, безъ притязаній гордыхъ,
Вы мучитесь о будущемъ и прошломъ;
А настоящее для васъ ужасно!

СТАРИКЪ.

Нѣтъ! — Не совсѣмъ. Мы стали хладнокровны
Къ грядущему, а прошлое забыли,
И сдѣлалось для насъ все настоящимъ.
Въ насъ чадъ прошелъ отъ упоеній свѣта,
Нашъ умъ очистился отъ горькихъ бѣдствій,
Окаменилось сердце отъ страданій,
И мы теперь несчастье понимаемъ,
Но чувствовать его ужъ не умѣемъ;
И, слава Богу! гордыя надежды
Насъ не волнуютъ; мы безъ притязаній,
Мы безъ страстей. У насъ одна потребность —

Жить какъ нибудь; и въ наготѣ своей
Мы счастливы, свободны, веселы.
Когда кто дастъ, рукой благочестивой,
Намъ хлѣбъ насущный, — мы довольны. Снова
Мы жизнь живемъ, по улицамъ кочуя,
Иль по большимъ дорогамъ. За обѣдомъ
Объ ужинѣ не мыслимъ. Богъ питаетъ,
Какъ птицъ небесныхъ, наше поколѣнье;
И потому, какъ птицы, мы легки;
Какъ птицы, мы поемъ и веселимся,
И если намъ одно наскучитъ мѣсто,
Какъ птицы, мы въ другое улетаемъ.
И вы, когда вамъ надоѣло горе,
Когда очарованье то, что жизнью
Мы глупо называемъ, объяснилось;
Когда воздушныя надежды ваши
Разбилися о желѣзный жребій, бросьте
Коварный міръ, съ его коварнымъ блескомъ,
Пристаньте къ намъ и вы найдете то,
Чего всю жизнь такъ суетно искали!

ТАССЪ.

Твои слова, несчастный, ядовиты.
Ты разгадалъ мои страданья. Правда,
Міръ опустѣлъ для сердца моего,
Разрушились всѣ пышныя надежды,
Родство, любовь, обязанности жизни,
Жизнь самая — теперь мнѣ стали тяжки.
Но не могу, безъ ужаса, подумать,

Что руку нищую простерть я долженъ
Передъ людьми, которыхъ ненавижу!

СТАРИКЪ.

Нѣтъ, добрый человѣкъ, останьтесь въ свѣтѣ!
Вы, можетъ быть, еще найдете счастье;
Вы, можетъ быть, великими дѣлами
Для человѣчества найдете пользу.
О! къ людямъ ненависть есть состраданье
Къ ихъ жребію и горестнымъ недугамъ.
Я былъ когда-то не простымъ бродягой,
Но человѣкомъ съ саномъ, съ воспитаньемъ.
Я жилъ съ людьми, но ненавидѣлъ ихъ —
И понималъ ихъ недостатки. Сколько
Старался я исправить ихъ, и часто,
Не хвастаюсь, мнѣ удавалось; долго
Я помогалъ имъ златомъ и совѣтомъ;
Но на конецъ я самъ всего лишился.
И если сожалѣю о прошедшемъ,
То только потому, что не могу
Я больше помогать несчастнымъ людямъ.

ТАССЪ.

День занялся. Какъ скоро ночь прошла.
Куда итти!... Старикъ, скажи, куда
Ведетъ дорога?

СТАРИКЪ.

Въ Портичи!

ТАССЪ.

Прощайте!

СТАРИКЪ.

Пора и намъ. Одной дорогой съ вами....

ТАССЪ.

А вы куда?

СТАРИКЪ.

О намъ еще далёко;
Намъ десять дней пути.

ТАССЪ.

Куда же это?

СТАРИКЪ.

Въ Феррару, на Альфонсову женидьбу!

ТАССЪ (*хватая старика за руку*).

Друзья! я вашъ! пусть онъ меня увидитъ
Подъ рубищемъ, съ простертыми руками
Для подаянья! Боже всемогущій!
Благослови мой промыслъ новый, горькій, —
Какъ ты благословлялъ мой сладкій промыслъ!

Конецъ перваго акта.

АКТЪ ВТОРОЙ.

ФЕРРАРА.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ отдѣленіи Герцогини Урбинской.

ВЫХОДЪ 1-й.

ЛУКРЕЦІЯ (*сидитъ*), ДЖУЛІО ГАСКАНО (*входитъ*).

ЛУКРЕЦІЯ.

Какъ? Джюліо? Въ такой нежданый часъ,
Когда дворецъ въ движеньи, въ торжествѣ,
Вы оставляете толпу придворныхъ,
Чтобъ услаждать меня съ своей бесѣдой?!...

ДЖУЛІО.

Что мнѣ толпа, когда во всей толпѣ
Нѣтъ ни одной души, а Герцогиня
Съ божественной душой, съ прекраснымъ сердцемъ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Что слышно во дворцѣ?

ДЖУЛІО.

Спросите лучше:
Чего не слышно? Каждый говоритъ
О радости, съ какой встрѣчаетъ свадьбу
Великодушнаго Альфонса. Герцогъ
Дѣйствительно великодушенъ очень;
Онъ слушаетъ и вѣритъ терпѣливо

Разсказамъ льстивыхъ царедворцевъ. Правда,
Не вѣрить какъ тому, что намъ пріятно? —
И какъ они забавны, эти люди!
Одинъ меня утѣшилъ Живописецъ,
Который говорилъ, что онъ никакъ
Не можетъ снять портрета съ Маргериты;
Неправильность, безжизненность лица
Въ его рукѣ удерживали кисть. . . .
Теперь же говоритъ, что отъ того
Не могъ онъ снять портрета съ Маргериты,
Что красота Альфонсовой невѣсты
Для самой лучшей кисти недоступна.
Всѣ говорятъ, всѣ льстятъ, всѣ хвалятъ, славятъ,
А ни одинъ не скажетъ слова правды.
Въ Феррарѣ былъ единый человѣкъ,
Который могъ украсить этотъ праздникъ,
И искреннимъ, неподкупнымъ восторгомъ
Хаосъ похвалъ презрѣнныхъ заглушить,
И пѣснями прекрасными своими
Торжественнѣе сдѣлать торжество....

(Лукреція снимаетъ съ руки кольцо и разсѣянно его оборачиваетъ.)

Тѣ милости, какими я осыпанъ
Отъ Вашей Свѣтлости, даютъ мнѣ смѣлость
Просить Васъ о предстательствѣ за Тасса.

ЛУКРЕЦІЯ.

Я слышала... вы были... съ нимъ... не въ дружбѣ...

ДЖУЛІО.

Таковъ законъ позорной клеветы,

Таковъ законъ посредственности низкой,
Чтобы взаимной ссорой тѣхъ унизить,
Которые возвысились надъ ними
Прекрасными и чистыми дѣлами. —
Нѣтъ, я всегда боготворилъ Торквата,
И въ тѣ часы, когда затихнутъ страсти,
Разоблачатся очи отъ земнаго,
Я называлъ любимымъ, старшимъ братомъ
Великаго Торквата... Въ тѣ часы,
Мнѣ самому, казалось, было лучше;
Въ моихъ твореньяхъ больше видѣлъ славы,
Что есть кому ихъ оцѣнить достойно
И грудь моя надеждой трепетала,
Что, можетъ быть, великій Тассъ, читая
Мои творенья, тихо, про-себя
Похвалитъ стихъ иной, иное слово, —
И съ радостью запечатлѣетъ ихъ
Въ великомъ сердцѣ... Если Ваша Свѣтлость
Позволили мнѣ столько говорить
О собственныхъ невольныхъ ощущеньяхъ, —
Позвольте мнѣ изобразить восторгъ,
Который вся Италія питаетъ....

ЛУКРЕЦІЯ (*встаетъ*).

Мнѣ это все извѣстно; но къ несчастью,
Я при Дворѣ теперь такъ мало значу,
Что всѣ мои старанія — ничтожны!

ДЖУЛІО.

Я Герцогу не разъ ужъ говорилъ,

Но онъ всегда откладывалъ на-*послѣ*;
Я говорилъ не разъ его любимцамъ,
Въ отвѣтъ однѣ насмѣшки только слышалъ. —

ЛУКРЕЦІЯ.

Торквато самъ виноватъ . . . онъ обижалъ, . . .

ДЖУЛІО (*съ живостію*).

Но можно ли такихъ людей обидѣть?...

ЛУКРЕЦІЯ.

Скорѣе, нежели кого другаго. . . .

ДЖУЛІО.

Я тщетно Вашу Свѣтлость безпокоилъ;
Я думалъ, что въ такой душѣ прекрасной
Воспоминанія не мрутъ такъ скоро;
Воображалъ, что имя нашей славы,
Которое Феррару освѣтило
Безсмертнымъ блескомъ — для Феррары свято;
Что человѣкъ, испившій столько горя,
Въ день радости, на радость возвратится;
Но въ первый разъ я горько обманулся.
И мнѣ, быть можетъ, рокъ готовитъ то же.
Благой совѣтъ въ примѣрѣ подаетъ,
И говоритъ: »не совершайте жертвъ,
Напрасно юной жизни не губите!
Въ замѣну благъ, обѣщанныхъ столь щедро,
Вамъ принесутъ одну неблагодарность. . .

ЛУКРЕЦІЯ.

Но. . . .

ДЖУЛІО.

Ваша Свѣтлость! извините дерзость
Поступка моего; но я клянуся,
Что болѣе не буду васъ тревожить
Присутствіемъ и просьбой, отъ которыхъ
Теперь же увольняю Вашу Свѣтлость!

ВЫХОДЪ 2-й.

ЛУКРЕЦІЯ (*одна*).

Гордецъ! какъ дерзокъ онъ, неблагодаренъ
И даже глупъ! Мнѣ Тассъ давно наскучилъ!
Его любовь воздушная, пустая,
Его стихи, мечтательныя рѣчи
Терпѣніе мое превозмогли,
И сколько хитростей я истощила,
Чтобъ удалить — влюбленнаго не такъ,
Какъ мнѣ хотѣлось?! Философскій лепетъ
Для разума пріятенъ, не для сердца... —
Веселый нравъ, изображенье страсти
Столь пламенной, кипучей, Италіянской —
Къ Гаскано увлекли меня невольно...
Явился онъ — и милости мои
Любовь мою довольно объяснили,
А онъ хотѣлъ мнѣ Тасса возвратить,
Какъ будто бы моей любви въ насмѣшку!...—
Для женщины Поэты такъ опасны,
Какъ женщина опасна для мужчинъ
Обыкновенныхъ. Гордость ихъ безмѣрна,

Ихъ сердце для любви не кроетъ мѣста;
Влюбленные въ какія-то мечты,
Въ чудесныя какія-то видѣнья,
Они находятъ въ насъ не божество,
А бѣдныя и слабыя творенья... —
Но женщина, презрѣнная Поэтомъ,
Ужаснѣе ужасныхъ всѣхъ чудовищъ!
Месть — свойство женщины, стихія наша;
А кто же местью такъ, какъ мы, владѣетъ?
Какой покровъ величія и славы
Отъ женщины укроетъ человѣка?...—
Какъ я пуста! есть мнѣ о чемъ жалѣть!
О суетныхъ ремесленникахъ славы,
Поденьщикахъ подкупленныхъ похвалъ!...—
Презрѣньемъ за презрѣнье! но презрѣнье
Мое — чувствительнѣе будетъ...
Никто изъ васъ Лукреціи не забудетъ!

ВЫХОДЪ 3-й.

ЛУКРЕЦІЯ и ЛЕОНОРА (*входитъ въ размышленіи*).

ЛЕОНОРА.

Лукреція! какой ужасный шумъ
Во всемъ дворцѣ; — какъ много тамъ людей,
Мужчинъ и дамъ ... а не съ кѣмъ говорить.

ЛУКРЕЦІЯ

А Джюліо?

ЛЕОНОРА.

Онъ для меня несносенъ.

Не разговоръ въ его устахъ ужасныхъ,
А ядовитое шипѣнье змія.
И кто отъ остроты его свободенъ?
Кого языкъ его не оклевещетъ?
Я отъ него, а онъ за мной бѣжитъ
И сыплетъ градъ остротъ и колкихъ шутокъ... —
Таковъ ли Тассъ? Божественный мой Тассъ?
Съ какою простотой, съ какимъ смиреньемъ,
Онъ восхищалъ и недруга и друга!
Какъ онъ умѣлъ къ несчастью сострадать,
Надежду лить въ израненное сердце
И — до себя — насъ, бѣдныхъ, возвышать.
Сегодня у меня былъ Константини.
Онъ умолялъ, чтобы просить Альфонса
О возвращеньи Тасса; но напрасно
Просила я; онъ гордо отказалъ
И говорилъ, что если изгнанъ Тассъ,
То я тому единственной причиной!...

ЛУКРЕЦІЯ.

Не гнѣвайся напрасно, Леонора!
Ты знаешь, Тассъ былъ всѣми ненавидимъ,
За гордое презрѣніе ко всѣмъ.

ЛЕОНОРА.

Сестра! какъ понимать твои слова?

ЛУКРЕЦІЯ.

Какъ хочешь! Искренность моя богиня;
И такъ скажу, что даже мнѣ — твое
Не нравилось съ Поэтомъ обращенье!

Всегда на единѣ съ своимъ любимцемъ,
Ты слушала, по цѣлымъ днямъ, стихи,
Въ которыхъ онъ, какъ тать, къ тебѣ ласкался;
Твой благосклонный взоръ — всегда горѣлъ
Какимъ-то неприличнымъ одобреньемъ;
Естественно, что всякій началъ думать
Не выгодно о замыслахъ Поэта...

ЛЕОНОРА.

Лукреція! какія подозрѣнья!
Когда и кто мнѣ можетъ упрекнуть
Въ презрѣнномъ и нескромномъ поведеньи?
Не ты ль сама, въ своемъ Кастель-Дуранте
Съ утра до вечера сидѣла съ Тассомъ,
И безъ свидѣтелей! Молва не смѣла
Ни клеветать, ни сѣять подозрѣній;
Не ты ль сама, въ отсутствіи супруга,
Такъ весело съ нимъ проводила время?
И каждый день все съ нимъ, да съ нимъ однимъ!
А я тебѣ ни слова не сказала,
Которымъ бы могла тебя обидѣть.
Я радовалась твоему веселью,
Я восхищалась вашей чистой дружбой,—
И ты теперь меня же упрекаешь,
Что ласково я слушала его!
Почтительный и скромный, никогда
Онъ ни къ кому не зналъ порочной страсти;
Всѣмъ существомъ своимъ Поэтъ великій,
Въ божественность онъ женщинъ облекалъ,

И, какъ предъ алтаремъ, стоялъ предъ нимъ!
Самъ неземной, онъ въ неземную область
Всегда стремился, какъ святая мысль.—
И признаюсь, я полюбила Тасса:
За чистое его души веселье,
За дѣтскую привязанность ко мнѣ!.....

ЛУКРЕЦІЯ

Дитя, дитя, въ ребяческомъ восторгѣ
Не слышишь ты тѣхъ тягостныхъ оковъ....

ЛЕОНОРА.

Оковы? Нѣтъ. Воздушная любовь,
Какъ воздухъ, и легка, и неопасна!...

ЛУКРЕЦІЯ.

Мечты тебя чаруютъ, Леонора!....

ЛЕОНОРА.

Пускай мечты; но сладкія мечты.
Въ нихъ нѣтъ ни мукъ, ни горя, ни страданья;
Зачѣмъ же глупо умерщвлять ту радость,
Которая намъ ослаждаетъ жизнь?
И ты сама любила также Тасса?—

ЛУКРЕЦІЯ.

Я только Тассовы стихи любила.

ЛЕОНОРА.

Не признаешься. Будто преступленье
Его любить!

ЛУКРЕЦІЯ.

Супругъ мой, Леонора,
Былъ для меня предметъ любви единый.

ЛЕОНОРА.

Супруга ты любила, какъ супруга;
И всякая должна любить супруга....
Но Герцога Урбино ты забыла,
На умъ тебѣ онъ больше не приходитъ,
А о Торквашѣ....

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты жъ все говоришь,
А я объ немъ уже давно забыла.

ЛЕОНОРА.

Забыла? такъ! забыть его легко.
»Мы даже часто Бога забываемъ;
»Но, вспомнивъ, совѣстно смотрѣть на свѣтъ,
»На памятникъ Его благодѣяній....
»И вновь къ Нему, какъ дѣти, прибѣгаемъ.
»О почему жъ: къ земному полу-богу
»Съ раскаяньемъ не обратиться снова?
»Не возвратить ему его созданій,
»Которыхъ онъ такъ искренно любилъ?
Лукреція! быть можетъ, онъ невольно
Твой гордый умъ иль сердце оскорбилъ;
Быть можетъ, онъ, застѣнчивый и скромный,
Твоимъ мечтамъ не отвѣчалъ вполнѣ;...
Но онъ любилъ, клянусь, любилъ тебя.....
Какъ часто, предо мной печально сидя,
Онъ говорилъ о будущности мрачной;
Но о тебѣ воспоминаньемъ сладкимъ
Онъ разгонялъ всѣ тучи размышленій

И взоръ его опять свѣтлѣлъ надеждой!
Какъ часто, въ мрачные часы печали,
Въ его устахъ, какъ тихій вѣтеръ въ струнахъ,
Лукреція! твое звучало имя!
Казалось, бѣдный силился закрыть
Свою любовь, но чуства полнота
Безсильный умъ его превозмогала!
И ты его такъ хладнокровно гонишь!
Ты первый врагъ ему и врагъ лютѣйшій!....

ЛУКРЕЦІЯ (*обнимая Леонору*).

О перестань, мой ангелъ - Леонора!
Къ чему напоминать мнѣ заблужденья?

ЛЕОНОРА.

Лукреція! любовь не заблужденье!
Быть можетъ, все на свѣтѣ заблужденье,
А истина единая — любовь....
Такъ говорилъ Поэтъ — и кто не вѣритъ? —
Кто на себѣ не испыталъ сихъ словъ?

ЛУКРЕЦІЯ.

О не буди въ груди моей геенны...

ЛЕОНОРА.

Не отвергай святаго наслажденья!
О милый другъ, сильна ты передъ братомъ;
Проси его, чтобъ возвратилъ намъ Тасса;
Онъ ласковъ, добръ, клеветники и зависть
Въ немъ гнусныя рождали подозрѣнья.
Въ день радости, быть можетъ, онъ забудетъ

О клеветѣ, о зависти, о сплетняхъ;
Онъ самъ любилъ его; быть можетъ, любитъ
Еще теперь; любовь къ великимъ людямъ
Не скоро гаснетъ; можетъ быть и Герцогъ
Воспоминаньемъ сладкимъ оживится
И нашего Торквата призоветъ,
Чтобъ примириться съ славой и потомствомъ.
Моли его, Лукреція, моли,
Какъ я молю тебя!

ЛУКРЕЦІЯ.

Нѣтъ, Леонора!
Не добрый ангелъ ты, но ангелъ мститель!

ЛЕОНОРА.

Пусть такъ! но мщенье Ангела священно!

ВЫХОДЪ 4-й.

Тѣ же и АЛЬФОНСЪ.

АЛЬФОНСЪ.

Въ день радости, всеобщаго веселья,
Когда мы всѣ, въ торжественныхъ одеждахъ,
Прекрасной Маргериты ожидаемъ,
Лишь вы однѣ въ такомъ уединеньи
Печальны, безпокойны и угрюмы.
И кажется, вы къ брату хладнокровны...
Мой бракъ вамъ непріятенъ?...

ЛУКРЕЦІЯ.

Ваша Свѣтлость!
Вы намъ отецъ и другъ и благодѣтель!

Давно великодушнаго Альфонса
Прославлены и доброта и мудрость;
Какъ смѣли бъ мы, — мы, слабыя созданья,
Васъ осуждать, когда мы твердо знаемъ,
Что все, что вы ни сдѣлаете, — благо!
Нѣтъ! радостно встрѣчаемъ мы зарю
И вашего и нашего блаженства;
Съ покорностью, мы тепло молимъ Бога,
Да проліетъ свои благодѣянья
На васъ, супругу вашу и потомство...
(Какая мысль въ моемъ умѣ сверкнула;
О, торжество, когда она удастся!)..—
На радости, обыкновенно, люди
Оказывать благодѣянья любятъ;
Мы, вѣруя въ обыкновенье, просимъ
У Вашей Свѣтлости....

АЛЬФОНСЪ.

Чего хотите?
Все сдѣлаю для васъ, хотя бы послѣ
И пожалѣлъ... И такъ чего?

ЛУКРЕЦІЯ.

Прощенья
Торквату Тассу...

АЛЬФОНСЪ (*встревоженный*).

Какъ?...Торквату Тассу?..
Вы знаете, онъ домъ мой оскорбилъ
Разсказами про связи съ Леонорой;
Когда ко мнѣ о томъ достигли слухи

Отъ собственныхъ его друзей, я призвалъ
Его къ себѣ... Онъ началъ запираться.
Клялся, что никому не говорилъ;
Но что сестру мою, сестру Альфонса
Онъ любитъ страстно... Такъ скажите жъ сами:
Какъ долженъ былъ я поступить съ Торкватомъ?
Я въ тотъ же день велѣлъ ему — Феррару
Оставить навсегда...—Прошенье ваше
Мнѣ тягостно; но слова своего
Не нарушалъ еще Феррарскій Герцогъ...—
Согласенъ я, но, Леонора, надо,
Чтобъ ты одно исполнила условье.

ЛЕОНОРА

Все, все на свѣтѣ...

АЛЬФОНСЪ.

Не спѣши обѣтомъ!
Оно, я знаю, тягостно и трудно;
Но иначе не быть въ Феррарѣ Тассу.
Онъ будетъ здѣсь; но ни единымъ словомъ,
Ни ласковымъ, ни грознымъ, не должна ты
Его дарить... Исполнишь-ли?—

ЛЕОНОРА.

Исполню!

АЛЬФОНСЪ.

Такое средство вылечитъ Торквата,
Меня въ моихъ догадкахъ разувѣритъ,
И цѣлому семейству возвратитъ
Покой и честь...

(Садится къ столу и пишетъ.)

*

Отдайте Константини
Онъ Тассу другъ!... О странной этой мѣрѣ
Не говорите ни кому! языкъ придворный,
Вы знаете, какъ колоколъ огромный,
Всѣ сокровенныя семейства тайны
Разноситъ далеко. . .

ВЫХОДЪ 5-й.

Тѣ же и КОНСТАНТИНИ.

КОНСТАНТИНИ.

Ахъ, Ваша Свѣтлость!
Ужъ ѣдетъ Герцогиня!

АЛЬФОНСЪ.

Поспѣшимъ
На встрѣчу къ ней! (*Отдаетъ записку.*) Исполнитъ Константини.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Дворцовая площадь въ Феррарѣ; съ одной стороны предсцены дворецъ, съ другой домъ Константини.

ВЫХОДЪ 1-й.

Толпа различнаго состоянія людей и Тассъ между нищими, сначала невидный.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Они пѣшкомъ пойдутъ?

ВТОРОЙ.

Пѣшкомъ?

ПЕРВЫЙ.

На встрѣчу?

ВТОРОЙ.

На встрѣчу, да! А Маргерита также
Изъ золотой кареты выйдетъ; вмѣстѣ
Они пойдутъ по красному сукну,
Чтобы народъ имѣлъ и честь и счастье
Свою вторую Герцогиню видѣть. . .

ПЕРВЫЙ

Какъ добръ Альфонсъ! Какъ онъ народъ свой любитъ!
Во всей Италіи онъ первый Герцогъ!

ТРЕТІЙ.

Во Франціи и при Дворѣ Франциска
Не видано такого торжества.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А посмотрѣлъ бы ты картинный залъ;
Какихъ чудесъ тамъ нѣтъ?... Екатерина
Во Франціи. . .

ТРЕТІЙ.

Не до того ей; знаешь,
Какъ шатка власть твоей Екатерины. . .

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Оправдывай, какъ хочешь; но признайся,
Изящныя Искусства у Французовъ
Ни процвѣтать, ни даже жить не могутъ.

ТРЕТІЙ.

За то у насъ Декартъ, Монтань. . . .

ЧЕТВЕРТЫЙ.

И, полно!
Что Философія, когда не смыслимъ
Простымъ умомъ жить весело и мирно.

ТРЕТІЙ.

Придетъ пора...

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Придетъ, но долго ждать!...

ПЯТЫЙ.

О не таковъ Филиппъ! въ Арангуэцѣ,
Онъ, запершись въ чертогахъ неприступныхъ,
Весь свѣтъ поставилъ на Испанской картѣ
И мѣритъ: можетъ ли его вмѣстить
Въ Испанскіе предѣлы. . . .

ШЕСТОЙ.

Да, сегодня
Большой концертъ у Герцога; а завтра
Большой турниръ, а послѣ завтра свадьба;
Весь городъ будетъ освѣщенъ недѣлю,
Недѣлю весь дворецъ отверстъ народу....
Но что за шумъ? куда бѣжитъ народъ?

ВЫХОДЪ 2-й.

АЛЬФОНСЪ, *сопровождаемый многочисленною свитою, сходитъ съ крыльца и, раскланиваясь на всѣ стороны, проходитъ сцену.*

НАРОДЪ (*слѣдуя за нимъ*).

Да здравствуетъ Альфонсъ великодушный!
Да здравствуетъ Альфонсъ великодушный!...

ВЫХОДЪ 3-й.

НИЩІЕ, *поддерживающіе обомлѣвшаго Тасса.*

СТАРИКЪ.

Что сталось съ нимъ?.. Воды, друзья, воды!...
Онъ изнемогъ...

ПЕРВЫЙ НИЩІЙ.

Онъ умеръ!

ВТОРОЙ.

Сердце бьется,
Онъ дышитъ!

ТРЕТІЙ.

Отойдетъ! Пусть прохладится
Въ тѣни, въ покоѣ...

СТАРИКЪ.

Бѣдный, добрый странникъ,
Что сильно такъ могло его встревожить!

ТАССЪ (*приходя въ себя*).

Ужасный сонъ!... Прекрасный сонъ!... о, сколько
Для сердца радостныхъ воспоминаній!
Какъ трудно снесть одну минуту счастья,
А что-жъ, когда всѣ дни былаго счастья
Втѣснятся въ грудь, истерзанную горемъ?...
Какъ больно мнѣ, друзья! Въ глазахъ темнѣетъ...

(*Нищіе сажаютъ его на крыльцѣ дома Константини*).

ВЫХОДЪ 4-й.

Тѣ же и ГЕРЦОГЪ съ МАРГЕРИТОЙ, *сопровождаемые еще бо́льшимъ числомъ придворныхъ и народа.*

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ Альфонсъ Великодушный!
Да здравствуютъ Альфонсъ и Маргерита!

ТАССЪ (*вставъ, на крыльцѣ*).

О, дайте мнѣ увидѣть торжество,
О, дайте мнѣ увидѣть божество,
Которое привѣтствуетъ Феррара!
Враги мои, вамъ свѣтелъ этотъ день,
Вамъ безъ молитвъ даруетъ небо радость
И, въ счастіи, не молитесь вы Богу...

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ Альфонсъ и Маргерита!

ТАССЪ (*преклоняя колѣна*).

Позволь же, Боже правый, да несчастный,
Послѣдній сынъ изъ твоего семейства,
Смиренныя свои желанья скажетъ!
Даруй, Отецъ, въ супружествѣ Альфонсу:
Согласье, миръ и чистую любовь!
Даруй ему счастливое потомство!
Даруй ему неподкупныхъ друзей,
Совѣтниковъ правдивыхъ и почтенныхъ!
И благодать простри въ его землѣ!

(*Въ продолженіе сихъ стиховъ Альфонсъ восходитъ на крыльце дворца съ Маргеритой; придворные уходятъ за нимъ; народъ разсѣвается.*)

ВЫХОДЪ 5-й.

ТАССЪ (*на крыльцѣ*), НИЩІЕ, КОНСТАНТИНИ и ГОНЗАГО (*поспѣшно приближаются къ дому, на крыльцѣ коего сидитъ Тассъ*).

КОНСТАНТИНИ.

Зайдемъ ко мнѣ. Отправлю я гонца
Къ Торквату Тассу; а потомъ мы вмѣстѣ
Пойдемъ на балъ. Ужъ поздно, вечерѣетъ; —
Что если мы въ недѣлю не отыщемъ
Торквата Тасса... Боже! это онъ!
Но, если ошибаюсь, будетъ стыдно
Обнять бродягу...

ТАССЪ.

Какъ все измѣнилось!
И другъ меня чуждается, боится....
(*Оглядываясь.*)
Такъ, это домъ вельможи — Константини!
Когда-то друга... Онъ узналъ меня...
Не хочетъ онъ начать со мною рѣчи,
Такъ я начну! — Я этимъ нищимъ — въ тягость;
Они меня и сторожатъ и кормятъ;
А я еще ни разу не просилъ
У проходящихъ подаянья. Стыдно;
У Константини попросить не стыдно;
Онъ добрый, благородный человѣкъ.

КОНСТАНТИНИ.

Нѣтъ, то не онъ! Пойдемъ, скорѣй отправимъ
Гонца...

ТАССЪ (*одной рукой закрывая глаза и простирая другую*).

Прошу васъ, доблестный вельможа,
Дать . . . этимъ... нищимъ... подаянье...

(*Константини даетъ ему деньги, но, въ ужасъ, онъ отбрасываетъ ихъ*).

Нѣтъ! Не хочу... Не мнѣ... вотъ этимъ... нищимъ!

КОНСТАНТИНИ.

Но кто же ты?

ТАССЪ.

И самъ не знаю, кто.
Какой-то демонъ, изгнанный изъ ада;
Чудовище, живущее безъ жизни. . .

КОНСТАНТИНИ.

Но какъ зовутъ?

ТАССЪ.

Меня? Великимъ звали!
Теперь зовутъ изгнанникомъ и нищимъ.
Не нищій я въ Сорентѣ; тамъ дворецъ
Гербомъ моимъ и именемъ украшенъ; —
Въ Феррарѣ, я и нищій и изгнанникъ.

КОНСТАНТИНИ.

Великій Тассъ!

(*Нищіе съ ужасомъ отступаютъ.*)

ТАССЪ (*бѣжитъ отъ Константини*).

Я погубилъ себя!
Изгнанника теперь взведутъ на плаху.

КОНСТАНТИНИ.

Не убѣгай! О, дай себя обнять...
Я не узналъ; ты такъ перемѣнился!

ТАССЪ.

Бѣги меня, мой добрый Константини!

КОНСТАНТИНИ.

О перестань! теперь другіе годы....

ТАССЪ.

Не говори! Альфонсъ мнѣ не проститъ....

КОНСТАНТИНИ.

Позволь себя, мой другъ, переувѣрить;
Прочти записку....

ТАССЪ (*пробѣжавъ записку*).

Небо! я прощенъ!
О мой Альфонсъ, Альфонсъ великодушный!

(*Въ чрезмѣрной радости.*)

Вы, свѣтлыя, блистательныя звѣзды,
Я васъ опять увижу, напишу
Я цѣлую Поэму Маргеритѣ....
Какъ поклонюсь Лукреціи прекрасной,
Какъ поклонюсь небесной Леонорѣ!
Да здравствуетъ Альфонсъ великодушный! —
Я къ нимъ пойду, и стану передъ ними,
Какъ жрецъ любви, надеждъ и ожиданій,
И, ласково весь пиръ окинувъ взоромъ,
Благословлю ихъ вожделѣнный бракъ! —
Я не одѣтъ; подъ рубищемъ такимъ,
Они меня, быть можетъ, не узнаютъ;

Но вдругъ, узнавъ меня, какой восторгъ
Пробудится въ ихъ лицахъ и движеньяхъ.
Пойдемъ, друзья, Гонзаго, Константини,
Вы спутники мои пойдемте также;
Онъ приметъ васъ, онъ наградитъ васъ златомъ;...

(Хочетъ итти).

КОНСТАНТИНИ.

Мой другъ, ты позабылъ, что при Дворѣ
Священныя живутъ обыкновенья,
Которыя нарушить невозможно....
И о тебѣ должны мы доложить. —
А ты пока поди, переодѣнься;
Въ моемъ дворцѣ тебя всѣ знаютъ.

ТАССЪ *(медленно уходя въ домъ Константини).*

Боже!
Такъ мало радостей, — и тѣ — въ оковахъ;
А горестей такъ много и свободны.

КОНСТАНТИНИ.

Мы поспѣшимъ; онъ долго ждать не будетъ!

ВЫХОДЪ 6-й.

НИЩІЕ *(со страхомъ приближаются къ предсценѣ. Темнѣетъ; во дворцѣ зажигаются огни).*

ПЕРВЫЙ НИЩІЙ.

Такъ это Тассъ? Какой же онъ волшебникъ?
И зоолта достать себѣ не могъ.

ВТОРОЙ.

Теперь, какъ видно, дьявольская сила
Въ немъ притупилась! Никогда добромъ
Не кончатся проказы чародѣйства.

СТАРИКЪ.

Друзья! какъ вамъ нестыдно — легковѣрно
Молвой презрѣнной черни увлекаться!
Вы видѣли, какъ ласковъ онъ и добръ,
Спокоенъ, тихъ; стихи его вы сами
Пѣвали прежде.

ПЕРВЫЙ.

Правда, добрый старецъ,
Стихи его прекрасны; но въ народѣ
Слухъ носится, что дьяволъ ихъ писалъ.

ТРЕТІЙ.

И тетушка, и бабушка моя
Ужъ съ годъ тому, разсказывали мнѣ,
Что этотъ Тассъ, на огненномъ конѣ
По небесамъ летаетъ каждой ночи,
Что у него, какъ угли свѣтятъ очи,
Что двухъ дѣтей онъ въ ихъ селѣ укралъ
И корсерамъ за десять скудъ продалъ.

ВТОРОЙ.

За десять скудъ? Что если это тѣ,
Которыя онъ далъ намъ на дорогѣ?
Избавь насъ отъ грѣха, Святый Антоній!

ТРЕТІЙ.

Смотрите! онъ идетъ! уйдемъ скорѣе....

НИЩІЕ (*разбѣгаясь*).

Уйдемъ, уйдемъ....

СТАРИКЪ (*медленно уходя за ними.*

Какъ глупы эти дѣти!

ВЫХОДЪ 7-й.

ТАССЪ (*одинъ, переодѣтый*).

Темно; но въ окнахъ чудный свѣтъ. —
Собрались гости; дружно, шумно,
Краснорѣчиво, остроумно
Бесѣда льется.. Горя нѣтъ,
Такъ почему жъ не веселиться?
Я ужъ готовъ; совсѣмъ одѣтъ;
Иду съ Альфонсомъ помириться. —
(*Послѣ нѣкотораго молчанія.*)
А Константини нѣтъ, какъ нѣтъ!

* * *

Я кавалеръ, и мечъ я взялъ:
Онъ мнѣ присталъ; онъ мнѣ забава;
Мнѣ мечъ Альфонсъ за храбрость далъ;
А золотую лиру — слава!
Но мнѣ пріятнѣй съ славой жить:
Какъ сила, слава не проходитъ,
Какъ время, слава не летитъ....

А Константини не приходитъ!

* * *

Но слава — съ смертію граничитъ;
И жизни, бѣдная, она
Ни продолжитъ, ни увеличитъ!
Вотъ почему мнѣ жизнь мила,
Хотя она обвита славой!
Такъ! все сѣдая смерть убьетъ,
Все подкоситъ косой кровавой....

И Константинъ не придетъ!

* * *

Вотъ освѣщенная святыня
Всѣхъ радостей моихъ, — дворецъ!
Тамъ и она, моя богиня,
Моя стихія, мой вѣнецъ!
Вотъ, вотъ она! меня узнала,
Меня и манитъ и зоветъ
Платкомъ махнула и пропала....
(*Рѣшительно:*)
Нѣтъ! Константинъ не придетъ!...
(*Поспѣшно уходитъ во дворецъ Альфонса.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Проходной залъ.

ВЫХОДЪ 1-й.

ДАМА и КАВАЛЕРЪ (*проходятъ сцену; слышна далекая музыка*).

ДАМА.

Нѣтъ, кавалеръ! терпѣнья на минуту!

КАВАЛЕРЪ.

Я ужъ терплю шесть тягостныхъ часовъ.

ДАМА.

Мой мужъ за мной, какъ привидѣнье, ходитъ....

КАВАЛЕРЪ.

Тѣмъ лучше... поединокъ васъ избавитъ

ДАМА.

Нѣтъ! быть вдовой я нехочу... Ахъ! вотъ онъ!...

(*Уходятъ.*)

ВЫХОДЪ 2-й.

N. и ДАМА ВТОРАЯ.

N.

Измѣнница! ты будешь безъ супруга
Въ могилѣ...

ВТОРАЯ ДАМА.

Боже мой! какъ вамъ не стыдно
Меня одну оставить? Вашъ племянникъ
Мнѣ надоѣлъ несносными рѣчами....

N.

Прекрасная Синьора! Этотъ неучъ
Всѣмъ дѣвушкамъ, всѣмъ женамъ обѣщаетъ
Богъ знаетъ, что; а молодые люди
Всѣ вѣтренны; напротивъ пожилые
Всѣ постоянны и въ любви и въ мести....

ДАМА.

Къ чему же мнѣ такое предисловье?

N.

Я васъ хотѣлъ предостеречь...

ДАМА.

Напрасно.

Куда же вы?

N.

Сей часъ! скажу два слова

Моей женѣ....

ДАМА.

Я буду въ этой залѣ.

(*Уходятъ въ разныя стороны.*)

ВЫХОДЪ 3-й

ЛУКРЕЦІЯ и ТРЕТІЯ ДАМА.

ДАМА.

Какъ, Ваша Свѣтлость, сами вы рѣшились
Невѣрному просить прощенья?...

ЛУКРЕЦІЯ.

Да!

ДАМА.

Какая жъ цѣль?

ЛУКРЕЦІЯ.

Чтобъ погубить вѣрнѣе;
И отплатить и Тассу и Гаскано;
Гаскано также любитъ Леонору.... (*Уходятъ.*)

ВЫХОДЪ 4-й.

ЛЕОНОРА.

Я не могу отъ Джюліо уйти...
Жду, не дождусь прекраснѣйшаго друга!

Но, бѣдная! обѣтъ въ твоихъ устахъ
Какъ адъ горитъ... Но вотъ опять Гаскано!... (*Уходитъ.*)

ВЫХОДЪ 5-й.

ДЖУЛІО ГАСКАНО и ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

ДЖУЛІО.

Она бѣжитъ!...

КАВАЛЕРЪ.

Скажите мнѣ, Синьоръ,
Турниръ въ Феррарѣ будетъ? Вы молчите...

ДЖУЛІО, (*уходя*).

Не знаю...

ВЫХОДЪ 6-й.

ВТОРОЙ и ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЫ.

ВТОРОЙ.

Я хотѣлъ... Какъ онъ задумчивъ!
Мое почтенье! Что турниръ...

ТРЕТІЙ.

Не знаю!

ВТОРОЙ.

Никто не знаетъ; вотъ смѣшно!

ТРЕТІЙ.

Спросите
У Герцога....

ВЫХОДЪ 7-й.

Тѣ же и АЛЬФОНСЪ.

АЛЬФОНСЪ.

Синьоръ! прошу покорно
Позвать ко мнѣ Секретаря... да вотъ онъ!

ВЫХОДЪ 8-й.

Тѣ же и КОНСТАНТИНИ.

КОНСТАНТИНИ.

Ахъ, Ваша Свѣтлость! Онъ ужъ здѣсь....

АЛЬФОНСЪ.

Тѣмъ лучше!
Идите и просите...

(Альфонсъ и Константини уходятъ въ разныя стороны.)

ВЫХОДЪ 9-й.

ВТОРОЙ и ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЫ.

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ,

Непонятно!
Кого просить велѣлъ онъ?

ТРЕТІЙ

Я не знаю!
Какой нибудь заѣзжій иностранецъ;
Теперь въ Италію, со всѣхъ сторонъ,
Какъ крестовой походъ, тѣснятся люди,
Миккель - Анджело, Рафаэль, и много
Великихъ Живописцевъ, Музыкантовъ,
Ваятелей и Зодчихъ и Поэтовъ,

Умершихъ и живущихъ — любопытство
Во всей Европѣ возбуждаютъ.....

ВЫХОДЪ 10-й.

Тѣ же и ТАССЪ.

ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЪ.

Кто тамъ?
Ба! Это Тассъ! Насильно хочетъ онъ
Ворваться во дворецъ, куда на вѣки
Ему закрыты двери....

ВТОРОЙ.

Надо выгнать!
Альфонсъ за то намъ будетъ благодаренъ....

ТАССЪ (*приближаясь къ предсценѣ, въ размышленіи*).

Какъ сладостно текутъ земные звуки!
О! Музыка есть страстный разговоръ
Небесъ съ землей... я ужъ давно примѣтилъ,
Что въ звукахъ тайное горитъ желанье,
Что по душѣ они, какъ пламя ходятъ.

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

Кто васъ впустилъ? Какъ смѣли вы войти?

ТАССЪ.

Дитя! не горячись! Въ твоей груди
Духъ гордости давно ли поселился?
Иль, можетъ быть, отъ сплетней и вѣстей
Ты сердце потерялъ и умъ и память,
И позабылъ черты Торквата Тасса!

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

Бродяга! Вонъ! ты вѣрно позабылъ,
Что во дворецъ. . . .

ТАССЪ.

Самъ Герцогъ пригласилъ!

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

Ахъ, извините! Мнѣ еще сегодня
Графъ Парчи говорилъ, что ни за что
Альфонсъ васъ возвратить не согласится!
Но если такъ, позвольте васъ поздравить,
Позвольте васъ обнять, я былъ всегда
Защитникомъ и вѣрнымъ вашимъ другомъ!

ТАССЪ,

Бродяга! Вонъ! Тѣмъ самымъ языкомъ
Ты смѣлъ изречь святое имя дружбы!
Безъ сердца, ты хотѣлъ казаться съ сердцемъ,
И ядовитой грудью грудь прижать,
Разбитую подобными тебѣ.

(*Второй кавалеръ уходитъ.*)

Ушелъ! не выслушалъ своей исторьи!

ВЫХОДЪ 11-й.

ТАССЪ и ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЪ.

ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЪ.

Вы говорите слишкомъ рѣзко. . . .

ТАССЪ.

Правда!

Какъ вы, я не умѣю золотить

Коварныхъ словъ... А вы? Вашъ умъ желѣзный
Есть философскій камень. Все дурное,
Все гнусное, достойное презрѣнья,
Вы превращаете свободно въ злато....

(*Третій кавалеръ уходитъ.*)

Другой ушелъ! А люди говорятъ,
Что глупость — терпѣлива... Всѣ исчезли...
Ни одного знакомаго лица!
Лукреція! Она меня утѣшитъ...

ВЫХОДЪ 12-й.

ТАССЪ, ЛУКРЕЦІЯ и ТРЕТЬЯ ДАМА.

ЛУКРЕЦІЯ.

Какъ? Тассъ ужъ здѣсь? Онъ самъ приходитъ въ сѣти...
Узнай, гордецъ, насмѣшку и презрѣнье!
Они твои мучители до гроба!

ТАССЪ.

Лукреція! я возвратился къ вамъ,
И клевета меня ужъ не пугаетъ.
Увѣрился ль Альфонсъ великодушный,
Что страсть моя вѣнца не оскорбляетъ?

ЛУКРЕЦІЯ

Но, кавалеръ, я васъ не понимаю.
Какая страсть?

ТАССЪ.

Оставьте, Герцогиня!
Я восхищенъ свиданьемъ съ вами....

ЛУКРЕЦІЯ (*презрительно*).

Право!
Какая честь! Восторги Стихотворца
Мы разбирать умѣемъ....

ДАМА.

Ваша Свѣтлость!
Смотрите, онъ краснѣетъ и блѣднѣетъ;
Глаза его ужасно какъ-то ходятъ....

ТАССЪ.

Лукреція! я васъ не узнаю!
Вы прежде были такъ любезны, скромны,
Такъ милостивы, откровенны. Чудно
Перемѣнились вы!... Но дайте руку,
Позвольте мнѣ горячимъ поцѣлуемъ
Почтеніе...

ЛУКРЕЦІЯ.

Синьоръ, вы слишкомъ дерзки!

ТАССЪ.

Волшебница! Когда я былъ моложе,
И юности торжественный румянецъ
На пламенныхъ ланитахъ разгарался,
О дерзости уста твои молчали.
Теперь, когда отъ горя и тоски
Я поблѣднѣлъ, и ясныя морщины
По моему челу проводятъ годы,
Я дерзокъ сталъ... Вотъ женщинъ образецъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Ха, ха, ха, ха! Вы помѣшались! Бѣдный!
Вы нездоровы... вамъ лечиться надо....

(*Уходитъ съ дамой.*)

ВЫХОДЪ 13-й.

ТАССЪ (*одинъ*).

Коварные! за тѣмъ меня призвали,
Чтобъ презирать! Чтобъ горькою насмѣшкой
Напоминать мнѣ слабость и страданья!
Но, въ цвѣтѣ лѣтъ, я не былъ обольщенъ
Ни прелестью, ни страстію твоею.
Я ихъ отвергъ, презрѣлъ и пренебрегъ;
Я отвлекалъ тебя отъ низкой страсти
И въ женщину величіе вливалъ;
А ты не благодарна; понимаю:
Тебя твоя природа увлекла.
Какъ прежде ты нуждалась въ сердцѣ друга,
Чтобъ чистоту свою въ немъ созерцать;
Такъ ты теперь, преступная, боишься,
Чтобъ гнусности своей въ немъ не увидѣть.
Какъ зеркало, Поэта сердце чисто, —
И отразитъ тебя — въ твоемъ лишь видѣ!

ВЫХОДЪ 14-й.

ТАССЪ и ЛЕОНОРА.

ТАССЪ.

Не такова младая Леонора,
Высокій образъ доброты сердечной,
Поэзія, пріявшая тѣлесность.

ЛЕОНОРА (*увидѣвъ Тасса, содрогается и въ изнеможеніи берется за спинку стула*).

Торкватъ!

ТАССЪ.

Торкватъ у вашихъ ногъ.
Вы сонъ его любви, Вы — небо Тасса,
Вы тотъ вѣнецъ, мучительный и сладкій,
Которымъ жизнь увѣнчана моя.
Я весь въ огнѣ, въ какомъ-то вдохновеньи,
Проникнутый восторгомъ и почтеньемъ,
Цѣлую прахъ, на коемъ ты стоишь,
Владычица желаній, чуствъ и мыслей.
Какъ радуга, твой взоръ напоминаетъ,
Что примиренъ нашъ міръ несчастный съ небомъ;
Какъ громъ небесъ, такъ голосъ звучный твой
Присутствіе свидѣтельствуетъ Бога.
О! улыбнись, заря моей надежды,
Проговори, благовѣститель счастья!

(*Леонора хочетъ уити, но въ безсиліи падаетъ на стулъ, отворачивая отъ Тасса голову*).

О Боже всемогущій! за всѣ кары, —
Которыми безчеловѣчный жребій
Преслѣдовалъ несчастнаго пѣвца, —
Такая мнѣ награда?! Съ отвращеньемъ
Ты приняла несчастнаго Торквата,
За то, что онъ любилъ тебя такъ страстно...

(*Леонора протягиваетъ руку...*)

Ты хочешь говорить... о, дай мнѣ жизнь!
Скажи одно спасительное слово....

(Леонора снова отъ него отворочивается.)

О, ты сестра Лукреціи! я вижу...
Ты увлекла несчастнаго Торквата,
Чтобъ онъ, какъ рабъ, за пышной колесницей
Твоихъ побѣдъ торжественно ходилъ;
Чтобъ умножалъ презрѣнное число
Обманутыхъ надеждами любимцевъ!

(Леонора падаетъ безъ чувствъ.)

Чтобъ гимны пѣлъ во славу Леоноры,
И недостойное потомства имя
Самимъ собой преступно обезсмертилъ.
О, я предамъ безсмертію Тебя,
И огненнымъ ужаснымъ языкомъ
Я разск жу всю повѣсть злодѣяній,
Которыми Поэта умерщвляли.

(Приходитъ въ помѣшательство.)

Прощеніе, Альфонсъ, достойно казни!
Какой постыдный, черный заговоръ!
Лукреція, Альфонсъ и Леонора,
Гонзаго, Константини, всѣ вельможи,
Весь Дворъ — одинъ питаютъ злобный умыслъ,
Какъ погубить скорѣе и вѣрнѣе
Несчастнаго Торквата....

ВЫХОДЪ 15-й.

Тѣ же и ДЖУЛІО ГАСКАНО.

ТАССЪ (*схвативъ за руку Гаскано*).

Ахъ, Гаскано!
Спасай меня! Кругомъ, вездѣ убійцы....

ГАСКАНО (*увидѣвъ Леонору безъ чувствъ.*)

Ахъ, Боже мой! Она безъ чувствъ....

ТАССЪ (*схвативъ и другую руку Гаскано.*)

Не тронь!
Я, я убилъ ее! Ужаснымъ громомъ
Я поразилъ преступницу! Ни слова!
Спасай меня....

ГАСКАНО (*стараясь освободиться изъ рукъ Тасса.*)

Прочь отъ меня, убійца!

ТАССЪ.

И ты злодѣй! Нѣтъ, поздно, не пущу.
Какъ другу, я тебѣ повѣрилъ тайну,
А ты меня бѣжишь продать....

ГАСКАНО.

Несчастный!
Я самъ могу тебя соединить
Съ несчастной жертвой твоего безумья...

ТАССЪ.

О, я готовъ! когда бъ по-одиночкѣ

Всѣ заговорщики на мечъ мой грозный
Такъ добровольно набѣжали. . . .

ГАСКАНО.

Трусъ!
Пусти меня, тогда увидимъ. . . .

ТАССЪ (*оставляетъ Гаскано и вынимаетъ шпагу; Гаскано также.*)

Дерзкій!
(*Сражаясь.*)
Послѣдній разъ на Герцогскомъ турнирѣ
Я мечь извлекъ, — и пропади Феррара! —
Я больше не приду въ проклятый городъ!
(*Поражаетъ Гаскано*).
Умри и ты, презрѣнный заговорщикъ,
И заговоръ. . . .

ГАСКАНО (*падая*).

О небо! Леонора! (*Умираетъ.*)

ТАССЪ, (*приходя постепенно въ себя*).

Но гдѣ я былъ?... Чей это трупъ?... Гаскано? (*силится припомнить.*)
Но кто убилъ?... Кто гибельнымъ желѣзомъ
Пронзилъ такое сердце?... (*Въ ужасѣ.*) Это я!!
(*Падая на трупъ Гаскано*).
О милый другъ! они тебя убили!
Не я, не я!... Я только мечъ преступный

Преступныхъ рукъ.... Спаси меня, Гаскано!
Сокрой меня!... но ты бездушенъ, хладенъ!

(*Молчаніе*).

ВЫХОДЪ 16-й.

Тѣ же, АЛЬФОНСЪ, МАРГЕРИТА, ЛУКРЕЦІЯ и ВЕСЬ ДВОРЪ.

АЛЬФОНСЪ (*входя*).

Онъ здѣсь, великій Тассъ, мой Тассъ любезный!...

(*Увидѣвъ Леонору, Тасса и трупъ Гаскано, Альфонсъ и всѣ въ безмолвномъ ужасѣ останавливаются*).

ТАССЪ, (*обнимая трупъ Гаскано и дико озираясь*).

Вы всѣ пришли, когда мнѣ васъ не надо!
Когда съ очей очарованье спало
И въ наготѣ я васъ увидѣлъ всѣхъ!
Вы для того несчастнаго призвали,
Чтобъ медленнымъ презрѣньемъ отравить!
Такъ! вы вовлечь меня хотѣли въ сѣти —
И вовлекли! Вы мечъ мнѣ сами дали
На сердце добраго Гаскано! Звѣри!
Какъ радостно они глазами блещутъ!

(*Преклоняетъ голову на трупъ Гаскано.*)

АЛЬФОНСЪ.

Онъ помѣшался. — Константинъ! тотчасъ
Велите отвести его въ Больницу
Святыя Анны....

КОНСТАНТИНИ.

Ваша Свѣтлость!

ЛЕОНОРА (*блѣдная, приподымаясь, умоляющимъ голосомъ.*)

Герцогъ!

(*Альфонсъ, махнувъ рукою, уходитъ*).

Конецъ втораго акта.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ФЕРРАРА.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣловая комната въ Феррарскомъ дворцѣ.

ВЫХОДЪ 1-й.

КОНСТАНТИНИ (*сидитъ за рабочимъ столикомъ и перебираетъ бумаги*).

Какъ много дѣлъ, а всѣ и начались
Изъ ничего и кончатся — ничѣмъ!
Однако жъ ихъ всегда кончаютъ скоро;
А важныя дѣла, какъ напримѣръ:
Великаго Творца Ерусалима,
Въ семь лѣтъ никто ни какъ не можетъ кончить!
О горе намъ! (*Погружается въ размышленія*)

ВЫХОДЪ 2-й.

КОНСТАНТИНИ и ЛЕОНОРА.

ЛЕОНОРА.

Почтенный Константини!
Печальны вы. Какая скорбь васъ мучитъ?

КОНСТАНТИНИ.

Какая скорбь *васъ* мучитъ, Герцогиня?
Въ такихъ очахъ, брильянтовыхъ очахъ

Огонь исчезъ, уста безъ розъ, улыбка
Не оживляетъ васъ. Одна любовь
Такъ можетъ ли преобразить....

ЛЕОНОРА.

Оставьте
Напрасное о бѣдной сожалѣнье.

КОНСТАНТИНИ.

Вы были нездоровы?

ЛЕОНОРА.

Да, была;
Но мнѣ сегодня лучше....

КОНСТАНТИНИ.

Отъ чего же?

ЛЕОНОРА.

Вы знаете, что Кардиналъ Альбани
Пріѣхалъ къ намъ; привезъ письмо отъ Папы,
Письмо отъ брата; братецъ и Святѣйшій
У Герцога свободы просятъ Тассу....

КОНСТАНТИНИ.

Не можетъ быть!

ЛЕОНОРА

Такъ точно! Кардиналъ
Теперь у брата. Съ нимъ еще какой-то
Французъ ученый, именемъ Монтань;
Онъ также проситъ за Торквата....

КОНСТАНТИНИ.

Браво!
Мы побѣдимъ....

ЛЕОНОРА.

Гонзаго Сципіонъ
Какъ тѣнь за Герцогомъ; и днемъ и почью
Онъ не даетъ ему покоя; Герцогъ
Сердитъ; но стыдъ его въ предѣлахъ держитъ....

КОНСТАНТИНИ.

Прекрасно!...

ЛЕОНОРА.

Погодите! Можетъ быть
Все — не поможетъ! Герцогъ колебался,
Уже готовъ былъ дать согласье, вышелъ —
И возвратился, съ пламеннымъ лицемъ,
Смущенъ, сердитъ; онъ проклиналъ Торквата!
Онъ скрыть хотѣлъ какую-то печаль,
Но взоръ его изображалъ проклятье!

КОНСТАНТИНИ.

Не понимаю.

ЛЕОНОРА.

Другъ мой, Константини!
Вы воспитали насъ съ сестрой, — узнайте,
Что такъ могло Альфонса огорчить?
На васъ однихъ послѣдняя надежда!
Вы знаете мою любовь къ Альфонсу,
Вы знаете мою любовь къ Торквату,
Два чистыя и равныя два чувства!

КОНСТАНТИНИ.

Идутъ!

ЛЕОНОРА.

Идутъ! прощайте, не забудьте!
(*Уходитъ въ одну изъ боковыхъ дверей.*)

ВЫХОДЪ 3-й.

КОНСТАНТИНИ и ДЖУЛІО МОСТИ.

КОНСТАНТИНИ.

Ахъ, это ты! Зачѣмъ?...

Д. МОСТИ.

Отдайте книги
И рукопись Іерусалима.

КОНСТАНТИНИ.

Только?

Д. МОСТИ.

Аминта есть у насъ. Теперь мы пишемъ
Для Папы экземпляръ Іерусалима;
А на изустъ нельзя такъ много помнить.

КОНСТАНТИНИ.

Что жъ, Тассъ здоровъ?

Д. МОСТИ.

Когда онъ былъ здоровъ?

КОНСТАНТИНИ.

Но лучше ли?

Д. МОСТИ.

Покойнѣе не много;
Горячки нѣтъ, какъ прежде, постоянной;
Такъ, иногда бросается съ постели,
Бранитъ Лукрецію, и Леонору,
И Дворъ, и всѣхъ, и даже васъ самихъ...
А иногда покажется ему,
Что демонъ крадетъ нужныя бумаги;
Тогда кричитъ, но это все не долго;

И успокоившись, зоветъ меня
И письма въ разныя мѣста диктуетъ.

КОНСТАНТИНИ.

Что жъ дядя твой?

Д. МОСТИ.

По прежнему кричитъ,
Бранитъ меня, бранитъ Торквата, писемъ
Не отправляетъ, книгъ не позволяетъ
Къ нему носить; а развѣ только тѣ,
Въ которыхъ бѣднаго враги ругаютъ.

КОНСТАНТИНИ.

Что жъ, ты ихъ отдаешь?..

Д. МОСТИ.

Я отдаю, —
И добрый Тассъ, безъ злобы и обиды, —
Читаетъ ихъ, смѣется и диктуетъ
Отвѣты скромные... Отдайте книги!
Мнѣ скучно безъ него. Пора идти.

КОНСТАНТИНИ.

Возьми ихъ; на столѣ, въ другомъ покоѣ...
Я ихъ связалъ, но ты не донесешь...

Д. МОСТИ.

Чего не донесу я для Торквата!...

ВЫХОДЪ 4-й.

КОНСТАНТИНИ *(одинъ.)*

Дитя! какой великій духъ въ тебѣ!
Быть можетъ и въ тебѣ таится пламя,

Которое величественнымъ блескомъ
Освѣтитъ міръ.

ВЫХОДЪ 5-й.

КОНСТАНТИНИ и ДЖУЛІО МОСТИ (*со связкою книгъ*).

Д. МОСТИ.

Вы говорили: много...
Не донесу... Какъ для меня легки
Творенія людей великихъ....

КОНСТАНТИНИ.

Мости!
Ты учишься Поэзіи у Тасса?

Д. МОСТИ.

А вамъ на что? Однако жъ вамъ признаюсь:
Онъ всякій день разсказываетъ мнѣ
О разныхъ городахъ, Царяхъ и Царствахъ.
Какъ много я, въ послѣдніе три года,
Узналъ, и полюбилъ, и научился!
Какъ онъ уменъ! сдается, въ каждомъ словѣ
Есть смыслъ какой таинственный и полный;
А мнѣ его безъ отдыху бы слушать
И не наслушаться... Пора! Прощайте!
Еще одинъ разспросъ мнѣ вынесть надо,
Всѣ книги по листочку пересмотрятъ,
Въ Іерусалимъ язвительно заглянутъ,
Да кой чего поищутъ и въ карманахъ.
Прощайте!

КОНСТАНТИНИ.

Да благословитъ Господь,

Младой герой, такія начинанья
Твоей души и юной и прекрасной!

Д. МОСТИ.

Благодарю. Такая похвала
Мнѣ очень драгоцѣнна. — Доброй ночи!
(*Цѣлуетъ Константини въ рамо и уходитъ.*)

ВЫХОДЪ 6-й.

КОНСТАНТИНИ (*одинъ*).

Прекрасный вечеръ! Солнце, безъ лучей,
Безъ темноты, повисло на закатѣ!
Спокойный міръ, подъ голубымъ покровомъ,
Какъ праведника тихая кончина.

ВЫХОДЪ 7-й.

КОНСТАНТИНИ и ГАСКАНО (*отецъ*).

ГАСКАНО.

Какъ тяжело по этимъ лабиринтамъ
Тащиться старику. (*Садится*). Но, Константини,
Къ вамъ Герцогъ скоро будетъ... Я пришелъ
Напомнить вамъ, чтобъ не забыть о Тассѣ.
Семь лѣтъ прошло; невинное убійство
Само собой есть карой для убійцы... —
»О милый сынъ! не обвиняй меня,
Что я молю за твоего убійцу...
На старость лѣтъ тускнѣютъ предразсудки,
А истина яснѣе и яснѣе;...
Я не могу Торквата обвинять.

Въ комъ геній самъ такъ долго обиталъ,
Тамъ духи злобные не сыщутъ мѣста; —
И сталъ теперь Торкватъ пустой святыней,
Безъбожества, но святъ прошедшей славой!« —
Вчера ходилъ я на могилу сына.
Въ благой тѣни душистыхъ померанцевъ
Полудень знойный недокучливъ. Тихо
Усталый вѣтръ на миртахъ отдыхалъ.
»Блаженъ мой сынъ!« печально я подумалъ.
И, — въ первый разъ, — прошла по сердцу зависть.
Тогда какой-то не земной свидѣтель
Сокрытыхъ думъ, таясь въ лучахъ алмазныхъ,
Ко мнѣ прокрался и, лучемъ надежды,
На новую могилу указалъ. —
Я подошелъ, но тамъ была равнина
Прелестная; и миртъ и померанецъ —
На ней росли. — Тогда я только понялъ
Пророчество, и тихо сталъ молиться. —

КОНСТАНТИНИ.

Мечты, мой другъ!

ГАСКАНО (*улыбаясь*).

Полезно утѣшать
Не старика, но юношу иль дѣву,
Которые отчаяньемъ напраснымъ
Младую жизнь, безъ всякой нужды, губятъ;
Но я старикъ; давно. . . .

ВЫХОДЪ 8-й.

Тѣ же и АЛЬФОНСЪ.

АЛЬФОНСЪ (*гнѣвный, обращаясь къ Гаскано*).

Что вамъ угодно?

ГАСКАНО.

На сто второмъ году пространной жизни
Я въ первый разъ васъ просьбой утруждаю...
Безъ предисловій, откровенно, кратко
Я вамъ скажу: зачѣмъ пришелъ. Простите
Торквата Тасса!

АЛЬФОНСЪ (*въ сильномъ волненіи про себя*).

Боже! Цѣлый свѣтъ
За изверга такъ простодушно молитъ,
А никому не смѣю я открыть
Ужасной тайны. Всѣ воображаютъ,
Что я жестокъ, невиннаго гоню;
А я никакъ не въ силахъ оправдаться.

(*Громко.*)

Скорѣй вѣнецъ на головѣ сѣдой
На части распадется... Нѣтъ, Гаскано!
Полъ-Герцогства просите, я вамъ дамъ;
Но никогда не дамъ свободы Тассу!
Онъ тамъ умретъ! Проклятіе Альфонса
Ему не дастъ въ Италіи могилы;
Преступный прахъ его сожгу я въ пепелъ
И пушкой по свѣту разсѣю...

ГАСКАНО.

Герцогъ!

АЛЬФОНСЪ.

Великодушный старецъ! за убійцу
Единаго прекраснѣйшаго сына
Ты молишь такъ! И я не обвиняю
Въ невольномъ преступленьи; но коварство,
Но страшный стыдъ на этой головѣ...
О, перестань! Я также помѣшался.

ГАСКАНО.

Я уважаю ваши тайны, Герцогъ!

АЛЬФОНСЪ.

Ты знаешь ихъ! Ни слова! Бога ради!
Клянусь тебѣ... ни стыдъ, ни сто два года
Отъ моего меча не скроютъ... Удалитесь...
Постойте... Тайны никому... Прощайте!

ВЫХОДЪ 9-й.

АЛЬФОНСЪ и КОНСТАНТИНИ.

АЛЬФОНСЪ.

Дитя! Твой плачъ несносенъ!

КОНСТАНТИНИ.

Ваша Свѣтлость!
Я васъ любилъ, Альфонсъ великодушный!...

АЛЬФОНСЪ.

Любилъ, но, кажется, теперь не любишь!
Все на меня!... но поздно. Доброй ночи!

(Хочетъ итти.)

Друзья, друзья!

КОНСТАНТИНИ.

Напрасно, Ваша Свѣтлость...

АЛЬФОНСЪ (*возвращаясь*).

Не говори! Я знаю наизусть
Всѣ эти восклицанья и возгласы... —
Нѣтъ, нѣтъ! Меня переувѣрить трудно.
Сегодня Кардиналъ Альбани — долго
Мнѣ говорилъ заученую рѣчь,
Монтань шутилъ, смѣялся, какъ Французъ,
Доказывалъ довольно остроумно,
Что Тассу должно дать свободу... Тассу?!
Въ темницѣ я заставлю позабыть
Про свадьбу съ Герцогиней Леонорой! —

КОНСТАНТИНИ.

Какъ? съ Леонорой? это новость...

АЛЬФОНСЪ.

Правда,
Для вашихъ глазъ, а я, съ моей сестрой,
Давно замѣтили его желанья...

КОНСТАНТИНИ.

Съ Лукреціей! Тутъ что-то, Ваша Свѣтлость,
Недоброе... Она сама недавно
Со мной объ этомъ долго говорила;
Старалась и меня уговорить,
Чтобъ, Вашей Свѣтлости, не наскучалъ я
Освобожденьемъ Тасса; на сестру
Какія-то взводила преступленья....

АЛЬФОНСЪ (*встревоженный*).

Лукреція?

КОНСТАНТИНИ.

Такъ точно, Ваша Свѣтлость!

АЛЬФОНСЪ (*про себя*).

О Боже! если я опять обманутъ!...

(*Громко.*)

Замѣтилъ ты страданья Леоноры,
Ея болѣзнь, ея безумный хохотъ,
Который, какъ недугъ, одолѣваетъ
Несчастную, въ присутствіи моемъ...
Не влюблена ль? Ты, другъ мой, знаешь правду.
Скажи мнѣ....

КОНСТАНТИНИ.

Ваша Свѣтлость! Никогда
Уста мои не обманули васъ,
И въ этотъ разъ они васъ не обманутъ.
Такъ, влюблена!... и очень влюблена!
Частенько видятъ люди Леонору,
Передъ восходомъ солнца, у больницы
Святыя Анны. Въ горестномъ молчаньи
Она сидитъ на камнѣ подъ окномъ;
Но чуть покажется изъ моря солнце,
Она домой. Я долженъ вамъ признаться,
Она рѣшительно сказала мнѣ,
Что если не дадутъ свободы Тассу,
Она оставитъ насъ, оставитъ....

(*Послѣ нѣкотораго молчанія про себя.*)

Странно!
И ни одна черта не изменилась
Въ его лицѣ... Онъ любитъ Леонору....

АЛЬФОНСЪ.

Пусть умираетъ... Честь дороже жизни!

КОНСТАНТИНИ.

Любовь такая, Герцогъ, не безчеститъ....

АЛЬФОНСЪ.

Что не безчеститъ? Полно, Константини,
Мечтать о томъ, чего не можетъ быть. —
Я старъ уже — и смерть моя откроетъ
Свободный путь въ Феррару — иноземцамъ.
Со всѣхъ сторонъ опасность угрожаетъ.
Филиппъ второй честолюбиво руку
На всю Италію наложитъ скоро.
Испанія о томъ лишь только мыслитъ,
Какъ нашу власть поколебать раздоромъ;
Вооружить однихъ противъ другихъ
И послѣ взять насъ такъ, какъ взялъ Неаполь,
Сицилію и много странъ другихъ.
Во Франціи лишь ночь Варѳоломея,
Лишь ужасы междоусобныхъ войнъ; —
Въ Германіи раздоръ еретиковъ —
Италію отъ бездны отдѣляютъ.
Но если вновь затихнетъ буря смерти,
Отъ ранъ своихъ оправятся сосѣди,
Тогда опять Италіи — бѣда. —
Флоренція, Феррара и Урбино,

Венецья, Мантуа, Модена, Парма
И прочія Герцогства и Владѣнья
Могли бъ союзъ могучій основать
На страхъ враговъ и внутреннихъ и внѣшнихъ.
И для того Лукрецію я отдалъ
За Герцога Урбино; Леонору
Хотѣлъ отдать за Герцога Модены,
На старость лѣтъ я снова самъ женился...
И что жъ? Лукреція, на горе мнѣ,
Отечеству, Италіи и Вѣрѣ
Съ своимъ супругомъ развелась... И кто же
Былъ тайною причиною развода? —
Повѣришь ли? Твой ненавистный Тассъ!
Онъ дерзостно осмѣивалъ пороки
Неопытнаго Герцога Урбино;
И ненависть въ супругѣ легковѣрной
Питалъ и умножалъ огнемъ преступнымъ.
Повѣришь ли? — Но тайна, Константини!
Твоимъ отцемъ и честью заклинаю:
Не измѣни!... Во мнѣ и жаръ и холодъ,
Языкъ мой каменѣетъ.... Въ мракѣ ночи
Онъ въ сердце ей вливалъ: любовь къ себѣ
И ненависть къ незрѣлому супругу...
И такъ разводъ проклятый ускорилъ!
Сегодня я узналъ. Сестра сама
Призналась мнѣ. Она теперь жалѣетъ
О прошломъ. Можетъ быть, я помирю
Ее съ супругомъ; но — чѣмъ замѣнить
Ужасную потерю Леоноры?

Она умретъ. Я это ясно вижу.
Освободить Торквата невозможно,
А въ ней вся жизнь перелилась въ любовь. —
Но пусть умретъ! Кого Господь помазалъ
На тягости державы и вѣнца,
Тотъ долженъ быть безъ сердца и страстей,
Съ одной душей великой благородной.
Онъ можетъ, даже долженъ уважать
Промышленность, Науки и Искусства;
Онъ можетъ награждать людей великихъ...
Но не любить. Любовь уже есть слабость;
А всякій недостатокъ въ Государѣ —
Источникъ многихъ бѣдствій въ Государствѣ.
Теперь, мой другъ, ты видишь, правъ ли я?
Давно разносчики придворныхъ сплетней
По городу слухъ разнесли, что будто
Изъ зависти я заключилъ Торквата.
Изъ зависти! Нѣтъ! Безопасность наша,
И, можетъ быть, спасеніе Италіи
Торквату казни просятъ; но безумье
Спасло убійцу отъ позорной смерти;
Избѣгъ меча преступный соблазнитель....
И вотъ людей разумныхъ приговоромъ
Альфонсъ *великодушный* сталъ *жестокимъ!*

КОНСТАНТИНИ.

Но, можетъ быть, изъ ревности...

АЛЬФОНСЪ.

Послушай!
Все можетъ быть! Теперь ты знаешь тайну.

Тебѣ я поручаю разыскать,
Съ испытаннымъ твоимъ благоразумьемъ,
Все дѣло. — Если твой Торкватъ невиненъ;
Клянусь, не пощажу родной сестры.
Такая клевета сестры Альфонса
Преступнѣе отравы и убійства...
Но только осторожно, безъ огласки!

(Обнимая Константини.)

Прости, мой Константини! доброй ночи!

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Больница Св. Анны. Комната Августина Мости. Ночь. Буря начинаетъ свирѣпствовать. Молнія освѣщаетъ готическіе своды горницы. Два большіе подсвѣчника, тройные, стоятъ на столѣ.

ВЫХОДЪ 1-й.

АВГУСТИНЪ МОСТИ и ТРОЕ ГОСТЕЙ.

АВ. МОСТИ *(сидитъ за столомъ, на коемъ лежитъ множество книгъ, бумагъ и проч.)*

Что этотъ полуумный Пеллегрино
Противъ такихъ ученыхъ, какъ де Росси
И Сальвіати, можетъ сдѣлать? Тщетно
Онъ защищаетъ Тасса. Много словъ,
А смыслу мало. Напримѣръ, послушай!

(*Читаетъ.*)

»По тремъ причинамъ я долженъ былъ принять на себя защиту Освобожденнаго Іерусалима; во-первыхъ потому, что моимъ разсужденіемъ я болѣе распространяю его славу; во-вторыхъ потому, что я рѣшился защищать мое мнѣніе (*)...«
И прочая. Но вамъ, я вижу, скучно;
И мнѣ наскучило всѣ эти письма
Читать. Ихъ сто приходитъ всякій день;
Все похвалы, да похвалы, а правды
Никто ему представить не умѣетъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ (*съ улыбкой*).

Довольно, кажется, и Ломбарделли
И Сальвіати и де Росси — правды
Наговорили Тассу....

АВ. МОСТИ.

Да! А онъ смѣется!
Онъ только вѣритъ Пеллегрино Одн,
А Пеллегрино ничего не знаетъ.
Когда ужъ Академія делла Круска
Признала слабости его Поэмы
И положила, что въ ней нѣтъ ни чувства,
Ни мысли благородной и высокой,
Ни истины, ни даже лжи хорошей;
Онъ самъ себя зоветъ еще Поэтомъ,
Мечтаетъ о безсмертіи и славѣ,
И голосъ безпристрастья презираетъ.

(*) Camillo Pollegrino a Torquato Tasso di Capua odi 3 di Maggio 1572.

Вообрази! онъ такъ къ молвѣ холоденъ,
Что даже самъ другимъ читаетъ то,
О чемъ другой безъ злости бъ и не вспомнилъ.
Одно его немного разсердило,
Когда, въ Венецьи, издалъ Маласпина,
Подъ именемъ своимъ его Поэму. —

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Ужъ это подлинно досадно....

АВ. МОСТИ.

Правда;
Но Маласпина самъ Поэтъ изрядный.
Я удивляюсь, какъ пришло на умъ
Безсмыслицу такую напечатать
Подъ именемъ своимъ. Онъ замарать
Хотѣлъ себя такимъ стихотвореньемъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Однако жъ слышалъ я, что понапрасну
Въ больницу съумасшедшихъ посадили
Торквата Тасса; онъ совсѣмъ здоровъ.

ВТОРОЙ.

Да онъ Поэтъ?

ПЕРВЫЙ.

Поэтъ.

ВТОРОЙ.

Такъ и довольно!
Ужъ кто Поэтъ, тотъ вѣрно безъ ума.

АВ. МОСТИ.

И я Поэтъ, однако жъ не безуменъ.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Ну, вы совсѣмъ другое. Вы Поэтъ
По праздникамъ и вечеринкамъ, Зодчій —
Когда конюшню строите, Механикъ —
Когда ходить подагра вамъ мѣшаетъ.

АВ. МОСТИ (*съ досадой*).

А вы, сосѣдъ мой остроумный,
Вы, безъ Поэзіи Поэтъ!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Не правда.
Я Математикъ.

АВ. МОСТИ.

Астрологъ, Алхимикъ!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Какъ Математика, такъ Стихотворство —
Все глупыя занятья.

АВ. МОСТИ и ПЕРВЫЙ ГОСТЬ (*вмѣстѣ*).

Что жъ важнѣе?

ТРЕТІЙ.

Jus civile, *Justitia divina!*
Пускай бы вашъ Торкватъ вамъ разрѣшилъ,
Что значатъ: *Septem partes* Юстиньяна.
Шесть лѣтъ ужъ въ Академіи Болонской
Вопросъ ученый разрѣшаютъ. Тщетно!
(*Ударяя себя по лбу.*)
Solutio — вотъ въ этой головѣ!

ПЕРВЫЙ

Однако жъ Юстиньянъ любилъ Поэтовъ
И самъ стихи Гомера цитовалъ.

ТРЕТІЙ.

Да, въ предисловіяхъ, а въ текстѣ — нѣтъ!

ПЕРВЫЙ (*Мости*).

Ты часто у него бываешь?

АВ. МОСТИ.

Нѣтъ!

Племянникъ мой къ Торквату часто ходитъ
И съ нимъ сидитъ иной разъ цѣлый день.
Я ужъ боюсь, чтобъ онъ не развратился.
Объ Тассѣ говорятъ, что онъ не добрыхъ,
Не честныхъ правилъ; но Альфонсъ велѣлъ;
Я долженъ Герцогу повиноваться.
И нынче во дворецъ пошелъ племянникъ,
Чтобъ книги Тассу принести. Мнѣ надо
Пересмотрѣть. Въ нихъ часто есть записки
Отъ знатныхъ дамъ и отъ друзей придворныхъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Ужъ намъ пора... Ты слышишь, громъ гремитъ —
И за полночь; прости! Спокойной ночи!

АВ. МОСТИ.

Прощайте, но не забывайте друга!
Я никуда теперь не выхожу;
А этотъ присмотръ за больницей труденъ.
Больной, я долженъ каждый день хоть разъ
Съ безумными видаться. Доброй ночи.

ВЫХОДЪ 2-й.

АВГУСТИНЪ МОСТИ (*одинъ начинаетъ перебирать, читать и откладывать письма*).

Нельзя, здѣсь много похвалы... Нельзя,
Здѣсь темный смыслъ... Отъ дяди; можно... можно...

ВЫХОДЪ 3-й
АВГУСТИНЪ и ДЖУЛІО МОСТИ.

АВ. МОСТИ.

Гдѣ мѣшкалъ ты такъ долго?

ДЖ. МОСТИ.

Во дворцѣ.
Я шелъ уже домой отъ Константини,
Какъ Герцогъ повстрѣчался и велѣлъ
Мнѣ обождать. Я ждалъ и не дождался.

АВ. МОСТИ.

Да какъ же ты осмѣлился оставить
Дворецъ, не обождавъ, что скажетъ Герцогъ?

ДЖ. МОСТИ.

Онъ спать пошелъ, а мнѣ велѣлъ сказать,
Чтобъ я отнесъ скорѣе книги къ Тассу.

АВ. МОСТИ.

О! плутовство! Въ нихъ вѣрно что нибудь
Такое есть. А?

ДЖ. МОСТИ.

Посмотрите сами.

АВ. МОСТИ (*перебирая книги*).

Горацій, — пусть бы онъ прочелъ: *De Arte*
Poëtica. Ты посовѣтуй! — Тацитъ...
Какъ будто Тацита онъ понимаетъ —
И хвастовство такое не обидно? —
Платонъ: *Pro formâ.* Да, Платонъ Философъ
Великій для безумнаго Поэта. —
Orlando furioso. Что за дерзость —
Читать *Orlando* и не сознаваться,
Что ничего Іерусалимъ не стóитъ!
Лукрецій: *De natura rerum.* — Данте:
Comedia Divina. Что за книги,
А ни одной, ручаюсь, не читалъ. —
Вильгельма Тирскаго Сказанья... Вотъ онъ,
Источникъ пагубный Іерусалима!
Нѣтъ въ книгахъ ничего. А это что?
Іерусалимъ! Какъ пышно переплетенъ,
Какъ будто Энеида иль Орландо! —
И у кого Іерусалимъ хранился?

ДЖ. МОСТИ.

У Герцога.

АВ. МОСТИ.

И онъ не сжегъ его,
Не истребилъ мечтательнаго бреда,
Который всю Литературу нашу
Такъ обезчеститъ?

ДЖ. МОСТИ.

Но...

АВ. МОСТИ.

Молчи! ни слова!
Въ пятнадцать лѣтъ ты вздумалъ разсуждать,
И вотъ чему тебя безумный учитъ!
Что ты за сердце держишься?

ДЖ. МОСТИ.

Болитъ.

АВ. МОСТИ.

О! плутовство! Въ карманѣ есть записки.
(*Шаритъ въ карманахъ.*)
Ты ихъ зашилъ; иди, переодѣнься...
Пожалуй, такъ ступай; но только помни,
Что если я узнаю, будетъ худо.
(*Дж. Мости уходитъ. Ав. Мости медленно за нимъ слѣдуетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Узкая и тѣсная комната въ больницѣ Св. Анны, съ рѣшетчатыми окнами; небольшая кровать, у окна столъ съ бумагами. Сильная буря. Громъ и молнія.

ВЫХОДЪ 1-й.

ТАССЪ (*одинъ сидитъ, совершенно одѣтый, на кровати; вѣтеръ чрезъ отворенное окно шелеститъ бумагами*).

Ага! Онъ здѣсь! коварный, черный демонъ!

Іерусалимъ онъ хочетъ унести;
Но не найдетъ.

(*Молнія.*)

Вотъ онъ! Какъ онъ печаленъ!

(*Какое-то нестройное видѣніе показывается у окна возлѣ столика. Молнія.*)

Какъ пасмурно онъ смотритъ на бумаги!

(*Видѣніе принимаетъ невѣрный видъ человѣка. Молнія.*)

Съ какой тоской, внимательнымъ прискорбьемъ
Читаетъ онъ мои стихи. Быть можетъ —

(*Видѣніе принимаетъ совершенный видъ чернаго духа съ крылами. Молнія.*)

То геній мой, моей судьбы властитель,
И потому такъ мраченъ и суровъ.

ВЫХОДЪ 2-й.

ТАССЪ и ДЖ. МОСТИ. (*Входитъ, кладетъ книги у дверей и съ любопытствомъ смотритъ на странное положеніе Тасса*).

ТАССЪ.

Спрошу его. Быть можетъ онъ откроетъ
Мнѣ жребій тотъ, который для меня
Онъ вынулъ и исполнить долженъ. Смѣло!

(*Сильный ударъ молніи упадаетъ близъ Больницы.*)

Величественный духъ! Кто ты?

ДУХЪ (*коего слова, кажется, раздаются въ воздухѣ; Тассъ всѣ слова духа повторяетъ шопотомъ*).

Твой геній!

ТАССЪ.

Какую тайну ты приносишь?

ДУХЪ.

Славу!

ТАССЪ.

Зачѣмъ же ты такъ мраченъ?

ДУХЪ.

Я читаю
Твои стихи, и каждый Божій день
Я вижу, что мои совѣты дерзко
Ты пренебрегъ.

ТАССЪ.

Какіе, добрый геній!

ДУХЪ.

На небесахъ я принялъ чудный даръ
И влилъ въ тебя. И городъ славы вышней,
Іерусалимъ освобожденный, сладко
Ты сочеталъ въ небесныхъ, чудныхъ звукахъ,
И Ангелы Святые съ умиленьемъ
На небесахъ твоимъ внимали звукамъ,
И Ангеломъ тебя, Поэтъ, назвали.
Ты благо жилъ. Душа твоя кипѣла
Высокими страстями, неземными.
Ты отъ земли, какъ небо, отдѣлялся,
Какъ небо, землю ту собой объемля.
Очистившись отъ грѣшныхъ заблужденій,
Ты снова сталъ возлюбленникомъ Бога.
И что жъ? — Поэтъ! Ты возлюбилъ не Бога,

Источникъ мудрости и вдохновеній;
Ты отъ Отца неблагодарнымъ сердцемъ,
Какъ грѣшникъ, отклонился; полюбилъ
Обманчивость земнаго совершенства!

ТАССЪ.

Я человѣкъ.

ДУХЪ.

Такъ! Жребій человѣка
Горѣть въ страстяхъ и въ вѣтреныхъ желаньяхъ!
Таковъ обыкновенный человѣкъ.
Но тотъ, кому Господь вливаетъ силу
Прославиться великими дѣлами
На благо человѣческому роду,
Тотъ долженъ истребить въ себѣ всѣ чувства,
О тѣлѣ, о душѣ своей забыть,
И помнить только о святомъ завѣтѣ,
Для коего онъ призванъ въ міръ. Смотри!
(*Комната исполняется свѣтомъ; вдали видѣнъ Капитолій; народъ толпится. Старшины Рима несутъ Виргиліевъ вѣнецъ.*)
Вотъ что судьба готовила для Тасса!
И можетъ быть еще не отмѣнила
Исполнить все, обѣщанное славой;
Но заслужи!

ТАССЪ (*бросаясь обнять его*).

Величественный духъ!

(*Тассъ обнимаетъ воздухъ. Упавшая за самымъ окномъ съ ужаснымъ трескомъ молнія нѣсколько моментовъ ярко освѣщаетъ комнату и потрясаетъ зданіе. Тассъ,*

ослѣпленный и не будучи въ силахъ удержаться на ногахъ, невольно падаетъ на колѣни, закрывъ руками глаза.)

Лореттская Пречистая Марія!
Спаси меня и заступи отъ бѣса!
Онъ приходилъ мое разстроить счастье,
Оклеветать меня передо мной;
Но если онъ, правдивымъ языкомъ,
Предсказывалъ мнѣ будущую славу!
О, подтверди святымъ твоимъ знаменьемъ
Его слова; тогда и я повѣрю,
Что грѣшенъ я безмѣрно; что несчастья
Мнѣ въ наказанье небо посылаетъ,
И если мнѣ свободу возвратятъ,
Пойду къ Тебѣ въ Лоретто въ власяницѣ
И босыми ногами....

(*Подъемлетъ голову, но увидѣвъ надъ собой золотой вѣнецъ въ сіяніи падаетъ ницъ.*)

Силы неба!

(*Небо расчищается и утро начинаетъ свѣтить въ окна.*)

ДЖ. МОСТИ (*подбѣгаетъ къ Тассу и поднимаетъ его*).

Великій! Что съ тобой?

ТАССЪ.

О юный другъ!
Ты все видалъ.

ДЖ. МОСТИ.

Нѣтъ! ничего не видѣлъ.

ТАССЪ.

Такъ слышалъ.

ДЖ. МОСТИ.

Нѣтъ! я ничего не слышалъ.

ТАССЪ.

Я позабылъ; для глазъ обыкновенныхъ
Невидимъ онъ.

ДЖ. МОСТИ.

Кого же вы видали?

ТАССЪ.

Не черный демонъ то, но свѣтлый геній.

ДЖ. МОСТИ.

Помилуйте! Я здѣсь уже давно,
И, кромѣ васъ, я никого не видѣлъ.
Вы здѣсь стояли, вдругъ пошли поспѣшно, —
То говоря невнятныя слова,
То вслушиваясь въ шумъ свирѣпой бури,
То озираясь съ удивленьемъ; ваши
Глаза огнемъ блистательнымъ сверкали
И молніи водили въ темнотѣ.
Потомъ вы бросились, обняли воздухъ;
Потомъ отъ треска молніи упали —
И только.

ТАССЪ.

Только? Нѣтъ! не можетъ быть!
Онъ, точно онъ!

(*Раздается трикратно колокольчикъ.*)

Въ ушахъ моихъ звучатъ
Послѣднія, торжественныя рѣчи.

ДЖ. МОСТИ.

Помилуйте! Да это колокольчикъ.

ТАССЪ.

О юный другъ! О мой послѣдній другъ!
И ты меня переувѣрить хочешь,
Что на землѣ нѣтъ духовъ благотворныхъ,
Которыхъ мы отверстыми очами,
Отверстымъ слухомъ видѣть, слышать можемъ!

(Снова раздается колокольчикъ.)

ДЖ. МОСТИ. *(Пожавъ плечами.)*

Великій Тассъ! пойдемте! Васъ зовутъ
Гулять.

ТАССЪ.

Гулять? я не хочу. Какъ важенъ,
Великолѣпенъ, ласковъ геній Тасса!
Какъ гордо онъ смотрѣлъ на цѣлый міръ,
Какъ сладостно привѣтствовалъ Поэта.

ДЖ. МОСТИ *(взявъ за руку Тасса).*

Идите, Тассъ! Больничные законы
Для васъ нарушены. Одежда, пища
Прислуга, все для васъ не такъ, какъ прочимъ.
Но этого не можете нарушить:
Пойдемте! Всѣ уже въ саду гуляютъ.
Не хорошо, когда пріидетъ мой дядя
И насъ застанетъ.

(Ведетъ его за руку; Тассъ идетъ безъ сопротивленья.)

ТАССЪ.

Виргиліевъ вѣнецъ!
Римъ въ торжествѣ и въ лаврахъ Капитолій!
И это все для Тасса! Добрый геній!

ДЖ. МОСТИ.

Пойдемте!

ТАССЪ.

О! какъ сладостно безсмертье,
Когда оно еще начнется въ жизни!

(Мости уводитъ Тасса.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Садъ больницы Святыя Анны. Нѣсколько аллей сходится на площадку, посреди коей бьетъ фонтанъ; по обѣимъ сторонамъ стоятъ скамейки.

ВЫХОДЪ 1-й.

ПРИСТАВЪ и ТОЛПА СУМАСШЕДШИХЪ (*приходятъ изъ разныхъ аллей. Одинъ садится по правую руку, раскладываетъ бумаги; одну бумагу свертываетъ въ трубку, смотритъ на небо, чертитъ на бумагахъ, снова смотритъ на небо и т. д. Другой вынимаетъ фонарь, раскладываетъ огонь между кустами и начинаетъ что-то варитъ въ желѣзной чашкѣ; другіе въ размышленіи ходятъ вокругъ фонтана. Всѣ въ одинакихъ одеждахъ и колпакахъ*).

ПЕРВЫЙ СУМАСШЕДШІЙ (*подходитъ ко второму и сбрасываетъ съ него колпакъ*).

Что ты дымишь? — Ты знаешь ли, я князь!
Долой колпакъ!

ВТОРОЙ.

Ахъ, Ваше... Ваше... какъ бишь?..

ПЕРВЫЙ.

Прозрачество! Того не можешь помнить!
Что ты дымишь?

ВТОРОЙ.

Я философскій камень
Хочу найти. —

ПЕРВЫЙ.

На что? —

ВТОРОЙ.

Въ карманѣ пусто.
Я было ужъ нашелъ мудреный камень,
Чуть было золота не сдѣлалъ съ сажи;
Но дунулъ вѣтръ — и я обзолотилъ
Червонной сажей — рожу!

ПЕРВЫЙ.

Сумасшедшій!
Ты лучше къ моему сходи кассиру.
Велю, такъ десять пудъ тебѣ отпустить.

ВТОРОЙ.

Какъ-съ? золота?

ПРИСТАВЪ.

Нѣтъ! самой лучшей сажи;
А золота и самъ себѣ достанешь.

ТРЕТІЙ.

Ваше Прозрачество! Проектъ прекрасный
Я отыскалъ: какъ рыбъ ловить на сушѣ.

ПЕРВЫЙ.

Ну, какъ?

ТРЕТІЙ.

Вотъ, напримѣръ: вы будьте рыбой,

Я рыбакомъ.

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ! я рыбакъ, ты рыба.

ТРЕТІЙ.

Нѣтъ! я рыбакъ.

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, рыба.

ТРЕТІЙ.

Нѣтъ, рыбакъ.

ПЕРВЫЙ.

Я не хочу.

ТРЕТІЙ.

Такъ я секретъ свой спрячу.

Кто выигралъ? —

ВЫХОДЪ 2-й.

Тѣ же и ТАССЪ, (*выходя изъ аллеи, встрѣчается съ четвертымъ сумасшедшимъ*).

ЧЕТВЕРТЫЙ СУМАСШЕДШІЙ.

Послушайте! Сонетъ

На славный день всерадостнѣйшей смерти

Моей подруги! (*Тассъ отъ него отходитъ*). Онъ стиховъ не любитъ!

ТРЕТІЙ (*Тассу*).

Я изобрѣлъ хлопушку мухи бить,
Гасить лючіоли составомъ(*)... Что вы?
Онъ Математики не любитъ!

ТАССЪ (*отходя отъ него*).

Боже! —
Но гдѣ моя любимая скамейка? —

(*Остановясь у фонтана.*)

»Прекрасный день! Какое наслажденье,
»Пока еще не разгорится солнце,
»Пить ароматный воздухъ; въ ясномъ небѣ
»Топить едва проснувшіяся очи.
»О сколько тамъ блаженствуетъ людей,
»Тамъ, въ высотѣ, для ока недоступной!
»И не онѣ ль, божественныя души
»Зефиромъ облетаютъ міръ нашъ грустный;
»На деревѣ листочкомъ шевелятъ;
»По зеркалу воды — струи наводятъ;
»На воздухъ поднимаютъ птицъ небесныхъ —
»И въ ихъ устахъ такъ сладостно поютъ?
»О! не онѣ ль блистательнымъ лучемъ,
»О! не онѣ ль алмазами фонтана
»Такъ утѣшительно играютъ? Міръ нашъ,
»Свою земную родину, отчизну
»Хотятъ развеселить, благія души!
»На время вамъ позволено слетать,

(*) Luciole, блестящія мушки въ Италіи; съ закатомъ солнца мушки сіи появляются въ воздухѣ, подобно алмазному дождю.

»Насъ услаждать невидимой бесѣдой
»И снова улетать въ свое блаженство!
»Примите жъ и меня, сыны блаженства;
»Несчастнаго воздушностью небесной,
»Способностью летѣть къ вамъ — окрылите!
(*Въ размышленіи приближается къ правой скамейкѣ.*)

ПЯТЫЙ СУМАСШЕДШІЙ (*Тассу*).

Твой гороскопъ? — Венера, Марсъ, Меркурій
Построились въ шеренгу; а за ними
Сѣдой Сатурнъ съ Медвѣдицей танцуютъ!
Сказать ли?.. Что?.. Не правда? любопытно?
Изволь, изволь! На старость лѣтъ ты будешь
Придворнымъ шутомъ — и не очень глупымъ? —

ТАССЪ (*отходя отъ него*).

Вотъ образцы дѣйствительныхъ людей,
Съ той только разницей, что всѣ безъ масокъ!
(*Садится на лѣвой скамейкѣ.*)

ВЫХОДЪ 3-й.

Тѣ же и ШЕСТОЙ СУМАСШЕДШІЙ (*входитъ, и пристально разсматриваетъ всѣхъ сумасшедшихъ, которые на площадкѣ собираются въ кружокъ*).

ТРЕТІЙ.

Кто онъ такой, что ничего не любитъ?

ВТОРОЙ.

Онъ нелюдимъ.

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ! Просто сумасшедшій.

ВСѢ СУМАСШЕДШІЕ.

А! сумасшедшій! Бѣдненькой! рѣхнулся!

ШЕСТОЙ (*подходитъ къ Тассу, подаетъ ему Испанскую гитару и самъ садится на полу, противъ него*).

Сыграй, Пѣвецъ, какъ я ее любилъ,
Какъ я хотѣлъ душей съ душею слиться,
Къ ея груди — свою придвинуть грудь!
Запой, Пѣвецъ, какъ я ее любилъ,
Какъ, каждый день, за ней летѣлъ, за ней;
Какъ съ утромъ дня, съ закатомъ солнца, вѣчно
Моей душѣ прекрасный образъ снился!
Быть можетъ, звукъ твоихъ стиховъ волшебныхъ
Въ ея душѣ упрекомъ отзовется;
Быть можетъ, струнъ твоихъ угрюмый стонъ
Отяжелитъ ей сладострастный сонъ
И съ ужасомъ преступница проснется!

ТАССЪ (*съ улыбкой*).

Сыграть, изволь; но пѣть ужъ я не въ силахъ.

(*Начинаетъ играть, сумасшедшіе окружаютъ его; Тассъ вдругъ перестаетъ играть и импровизируетъ*):

О! не брани любви! Она
Отсвѣтъ небеснаго огня!
Все измѣнитъ; земля и море,
Духъ и безжизненный гранитъ;
Одна любовь не измѣнитъ
И въ наслажденіи и въ горѣ.

Все въ жизни мертво и темно,
Коль ею не оживлено!

* * *

Страдалецъ! всуе не ропщи
На самый лучшій даръ души!
Кто виноватъ, что Провидѣнье
Въ твою страдальческую грудь
Поставило драгой сосудъ
И въ томъ сосудѣ — наслажденье?
Но ты завѣтъ любви забылъ —
И самъ сосудъ свой отравилъ!

* * *

Ты распалялъ въ груди своей
Огонь убійственныхъ страстей.
Преступнымъ жаромъ пламенѣя,
Хотѣлъ ты дѣвой обладать,
Жечь поцѣлуемъ, обнимать, —
И вызвалъ страшнаго злодѣя,
Ту совѣсть, что съ бичемъ, съ огнемъ
На сердцѣ улеглась твоемъ.

* * *

Дитя! Ты женщину любилъ;
Ты персть умомъ боготворилъ.
Но ахъ! не женщина прекрасна,
А дивная ея краса,
Въ которую облечена
Она такъ тщетно, такъ напрасно!
Несчастный жаръ твоей души
Скорѣй, страдалецъ, потуши.

* * *

Очисться, встань, забудь — и дай мнѣ руку!
Любовь не то, чѣмъ назвалъ ты любовь!
Она небесъ лазоревыхъ прозрачнѣй,
Свѣтлѣй неуловимаго сіянья!
О! если бъ могъ ты въ душу заглянуть,
Гдѣ теплится огонь любви правдивой;
Какъ восковая, чистая свѣча
Туманнымъ пламенемъ свѣтлѣетъ въ мракѣ
И по святынѣ льетъ и блескъ и пламя;
Такъ точно... нѣтъ, еще сто кратъ прекраснѣй
Любовь по сердцу льетъ и блескъ и пламя
И свѣтитъ разуму и грѣетъ чувства.
О дивное провидѣнье небесъ!
Кто предъ тобой колѣна не преклонитъ,
Когда въ груди займется небомъ сердце
И на земли вторая жизнь начнется?

(*Шестой сумасшедшій беретъ его за руку.*)

Куда? — Пойдемъ; ты хочешь мнѣ открыться.

ВЫХОДЪ 4-й.

ПРИСТАВЪ и ТОЛПА СУМАСШЕДШИХЪ.

ПРИСТАВЪ.

Теперь и я повѣрю, что безуменъ
Великій Тассъ. Какъ можно цѣлый часъ
Такія глупости молоть, безъ толку,
Безъ смыслу! Правъ, правъ очень старый Мости. —

(*Къ сумасшедшимъ.*)

Пошли гулять! Васъ выгнали на то,
Чтобы въ саду немного погуляли. —

(Сумасшедшіе расходятся, приставъ за ними слѣдуетъ.)

ВЫХОДЪ 5-й.

ТАССЪ и ШЕСТОЙ СУМАСШЕДШІЙ.

ТАССЪ *(оканчивая чтеніе письма).*

Такъ вотъ она, причина всѣхъ несчастій!
Лукреція! ты на меня клевещешь!
Я долженъ оправдаться. Сердцу больно,
Что цѣлый міръ преступникомъ гнуснѣйшимъ
Торквата назоветъ. Сего не будетъ!
Благодарю за рвеніе тебя.
Искусно ты прокрался въ домъ безумья,
Безумному принесъ безумья жертву.
Но какъ же мнѣ отвѣтъ дать Константини?

ШЕСТОЙ СУМАСШЕДШІЙ.

Часы бѣгутъ; нельзя намъ многословить.
Вы напишите оправданье; завтра
Отдайте мнѣ его; а послѣ-завтра
Я буду ужъ здоровъ и отнесу
Отвѣтъ вашъ къ Константини. Приставъ, приставъ!
Не забывайте! Я опять безуменъ.

(Тассъ прячетъ письмо и садится.)

ВЫХОДЪ 6-й.

Тѣ же, ПРИСТАВЪ и СУМАСШЕДШIЕ.

ШЕСТОЙ СУМАСШЕДШIЙ.

Да, да, пѣвецъ! Я долго такъ страдалъ;
Она моей любви не понимала
Иль не хотѣла понимать. Напрасно
Въ ея глазахъ я плакалъ и рыдалъ. —

ТАССЪ (*вставъ, съ живостью*).

Что стонъ, что плачъ передъ красой бездушной?
Молитва каменному истукану.
И кто передъ такой богиней клонитъ
Дрожащія колѣна, тотъ не стоитъ
Названья человѣка. — Что въ немъ движетъ
Кровь жаркую? — Ужасенъ сладострастный,
Но сладострастная — еще ужаснѣй!
Она кипитъ и страстью и измѣной.
Когда мужчина страсть ея отвергнетъ,
Тогда она его измѣной губитъ;
Уста ея отъ клеветы не сохнутъ;
И слезы презрѣнныхъ восторговъ — хитро
Слезами оскорбленья замѣнятся;
Языкъ, — какъ бичъ. — И бога своего,
Предъ кѣмъ, еще недавно, такъ преступно
Свой гнусный жаръ постыдно изливала,
Преслѣдуетъ, какъ изверга. О чудна,
Непостижима нутрь коварныхъ женщинъ!
Кто разрѣшитъ законы Провидѣнья,
Зачѣмъ оно прелестнѣйшія перси
А сердце гнусное имъ даровало?

Какъ лиліи прекрасны и душисты,
Въ очахъ лазурь небесъ иль блескъ звѣзды,
Улыбка краше солнца, а въ устахъ
Далекихъ струнъ согласное лобзанье...
И это все одинъ обманъ, обманъ,
Мечта, фантасмагорія Поэта!
О грозный рокъ! освободи меня
Отъ памяти моихъ протекшихъ бѣдствій!
Дай мнѣ забыть, что я когда-то жилъ,
Что я испилъ сосудъ страстей горчайшихъ,
Которымъ нѣтъ именъ на этомъ свѣтѣ!

(Слышенъ колокольчикъ.)

Въ темницу, въ мракъ! Тамъ сердца не тѣснитъ
Видъ мерзкій, ненавистный человѣка!

(Поспѣшно уходитъ. Всѣ съ изумленіемъ смотрятъ ему въ слѣдъ.)

Конецъ третьяго акта.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ФЕРРАРА.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Спальная комната Герцогини Урбинской.

ВЫХОДЪ 1-й.

ЛУКРЕЦІЯ и ЛЕОНОРА.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, разскажи, мой Ангелъ, Леонора,
Что говорятъ врачи?

ЛЕОНОРА.

Твоя болѣзнь,
Лукреція, еще не такъ опасна.
Къ чему себя до времени тревожить?
О, милый другъ, бываетъ хуже сердцу,
А о кончинѣ не приходятъ мысли.

ЛУКРЕЦІЯ.

Кто отягченъ мечтательнымъ недугомъ
Иль пылкой, дикой страстью ослѣпленъ,
О смерти тотъ, естественно, не мыслитъ.

ЛЕОНОРА

Какъ мысль твоя отъ гроба далека!
Считая съ трепетомъ мгновенья жизни,
Ты не готовишься предстать предъ Бога
И дать отвѣтъ въ дѣяньяхъ, въ чувствахъ, въ мысляхъ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Прости меня, прости! Коварный жребій
Весь мой составъ разбилъ и раздражилъ.
Всѣмъ прихотямъ, причудамъ угождая,
Онъ влилъ въ меня надменность, своенравье,
Теперь я не умѣю покоряться
Законамъ разума и чувствамъ вѣры.
О, научи меня, мой другъ прекрасный,
Какъ я должна упасть къ Его ногамъ,
Какъ я должна Всесильному молиться!

ЛЕОНОРА.

О, Всеблагій! Ты слышишь этотъ голосъ
Полу-смиренный, полу-гордый. — Боже!
Сними кору съ прекраснѣйшаго сердца,
Отчаянье надеждой замѣни!
Влей благодать въ тоскующую душу.
Ты милосердъ, — она преступна; — кто же
Какъ не преступный ищетъ милосердья!
Кому же, какъ не грѣшнику, оно
Святымъ твоимъ закономъ суждено? —
Она была невинна, непорочна;
Была красой прекраснѣйшаго стада.
Найди ее, о Всемогущій Пастырь!
Возрадуйся своей овцѣ заблудшей!
Я зрю тебя! — И небо улыбнулось,
И ангелы твои возвеселились,
Что въ свѣтлый кругъ ихъ — идетъ новый ангелъ.
Святой отецъ! Еще одна молитва!
Позволь и мнѣ, изгнанницѣ твоей,

Въ свою обитель возвратиться! Срокъ
Давно прошелъ. — Пойдемъ! Онъ насъ зоветъ,
Сестра, зоветъ. — О добрый, милосердый,
Отецъ и Царь! — Нѣтъ словъ, а сколько чувствъ!
Лукреція, какія слезы льются!

(Бросаются другъ ко другу въ объятія и заливаются слезами.)

ВЫХОДЪ 2-й.

Тѣ же и ПРИДВОРНАЯ ДАМА.

ДАМА.

Къ вамъ Константини ... можно ли впустить?

ЛЕОНОРА.

Мы здѣсь еще! Но кто жъ насъ удержалъ,
Иль лучше, кто насъ возвратилъ на землю?
А! понимаю! Вѣрно, на землѣ
У насъ съ тобой еще долги остались.
О поспѣшимъ, Лукреція, помыслимъ,
Что мы съ тобою сдѣлали худаго!
Вознаградимъ, что можемъ, а чего
Не можемъ, въ томъ раскаемся смиренно.

ВЫХОДЪ 3-й.

Тѣ же и КОНСТАНТИНИ *(дама удаляется.)*

КОНСТАНТИНИ.

Пустите! Тамъ приличія ничтожны,
Гдѣ страждетъ честь, здоровье и свобода.

(Лукреціи.)

Простите, Ваша Свѣтлость! справедливость

И человѣчество меня влекутъ
Упасть къ ногамъ Урбинской Герцогини!

ЛУКРЕЦІЯ (*стараясь скрыть слезы*).

Чего вамъ надо?

КОНСТАНТИНИ.

Оправданья Тасса!
Сознанія, что ваши обвиненья
И наговоры Герцогу неправда
И клевета....

(*Лукреція закрываетъ руками глаза и бросается къ Леонорѣ, но увидѣвъ ея изумленіе, въ ужасѣ отъ нея отбѣгаетъ.*)

Я знаю все! Самъ Герцогъ
Ужасную мнѣ ввѣрилъ тайну....

ЛУКРЕЦІЯ.

Братъ мой?...

КОНСТАНТИНИ.

И Государь. — И онъ же поручилъ
Мнѣ разыскать, правдивы ли извѣты?

ЛУКРЕЦІЯ.

Постойте, Константини! — Вашъ Торкватъ
Ужасный человѣкъ. — Ужъ я надъ гробомъ,
Не разъ уже я смертью леденѣла,
И холодъ вѣялъ изъ могилы. — Онъ,
Вашъ Тассъ, меня привлекъ надъ эту пропасть;
Онъ отрѣшилъ меня отъ мирной жизни,
И правъ народъ; онъ не Поэтъ, волшебникъ,
Онъ жертвъ искалъ и жертвы онъ губилъ;
Пускай же самъ своей погибнетъ жертвой!

КОНСТАНТИНИ.

Не стыдно ли вѣнчанной Христіанкѣ
Такъ далеко месть сердца простирать?
За то, что онъ, правдивыми устами
Васъ отвлекалъ отъ гибельныхъ желаній,
И вашего спасенія искалъ;
За то, что онъ не подлъ и не безчестенъ;
За то, что онъ прославилъ ваше имя,
Сестры и брата и Феррары, — вы
Не устыдились клеветать; — себя
Пятномъ позорнымъ обезславить; — домъ свой
Неправосудіемъ унизить; ускорить
И такъ не медлящую старость брата;
Разбить его прекрасныя надежды,
Намѣренья благія уничтожить;
Приблизить къ гробу старца; наконецъ
Невинную соперницу, сестру,
Чистѣйшую изъ геніевъ чистѣйшихъ,
Разсорить съ братомъ; у людей коварныхъ
Привесть ея поступки въ подозрѣнье; —
Убить сестру презрѣніемъ всеобщимъ...
Все это вы! — И вѣчность передъ вами;
И это ль тѣ страницы вашей жизни,
Которыя прочтутся въ небесахъ
И двери въ рай откроютъ Герцогинѣ? —
И это ль тѣ послѣднія минуты,
Въ которыя достойный Христіанинъ
Свои грѣхи слезами обмываетъ?
Лукреція! О, погаси свой взоръ,

Пылающій не добрыми страстями;
О измѣни презрѣнную улыбку,
Въ которой адъ просвѣчиваетъ ясно! —
Сѣдой старикъ, я брату твоему
Былъ тягостный и сладостный ровесникъ.
Подъ бременемъ заботъ и попеченій,
Мою главу серебряная ржа
Посыпала на службѣ Государству;
Но я одинъ отыскивалъ мгновенья
О воспитаньи вашемъ думать. Тайно
Я былъ отецъ тебѣ и Леонорѣ;
Отецъ, и братъ, и другъ, и попечитель!
Невидимо я велъ сестеръ прекрасныхъ
На высшія ступени бытія;
Я умъ ихъ украшалъ живой наукой,
Ихъ сердце — обществомъ, всегда отборнымъ,
Ихъ внѣшность чудными искуствъ дарами.
И вотъ тебѣ, безумецъ, воздаянье!
Вотъ благодарность, старецъ ослѣпленный!

(*Лукреція, тронутая, беретъ его за руку.*)

Та, для кого послѣдніе досуги
Такъ безкорыстно я носилъ на жертву, —
У старика прекраснѣйшаго друга,
Единственнаго друга отнимаетъ!
И чѣмъ, Лукреція, подумай, чѣмъ?
Презрѣннѣйшей, гнуснѣйшей клеветой! —
Я самъ пришелъ въ немалое сомнѣнье,
Когда мнѣ другъ мой, Герцогъ, сообщилъ
Всѣ тайны клеветы, чтобъ разыскать

И истину нагую обнаружить...
Я трепеталъ за обоихъ, за Тасса, —
И за тебя! — Уста мои три дня
Не принимали пищи; я, старикъ,
Измученный трудами и заботой,
Желавшій только гроба, — передъ смертью
Хотѣлъ увѣриться; но добрый случай
Мнѣ истину нежданно обнаружилъ.
Я откровенно написалъ къ Торквату
О всѣхъ его ужасныхъ преступленьяхъ
И требовалъ отъ Тасса оправданья
Иль вѣчнаго разрыва... Вотъ, что онъ
Мнѣ написалъ въ отвѣтъ. Прочтите.

(Лукреція, уже съ нѣкотораго времени въ сильномъ волненіи, отталкиваетъ письмо.)

Что же?

ЛУКРЕЦІЯ

Невиненъ онъ, невиненъ! — Константини!
Невиненъ! ради Бога, перестаньте!
Невиненъ онъ! Преступницу оставьте!
Но скройте стыдъ.... Сегодня я умру,
Невинности его я буду жертвой...
Бѣгите отъ ужасной... — Леонора!
Твое присутствіе меня убьетъ... —
У ногъ твоихъ, ужасный Константини,
Прошу.... *(Падаетъ на колѣна.)*

ВЫХОДЪ 4-й.

Тѣ же и АЛЬФОНСЪ.

АЛЬФОНСЪ.

Что это?...

ЛУКРЕЦІЯ.

Я сама не знаю.
Какой-то демонъ въ персяхъ; на устахъ
Слова, которыхъ я не понимаю
Сама; они уста мнѣ обожгли....
Невиненъ онъ! Клянусь, Торкватъ невиненъ.
(*Падаетъ въ изнеможеніи.*)

АЛЬФОНСЪ.

Я ничего, мой другъ, не понимаю....

КОНСТАНТИНИ.

Все тотчасъ объяснится, только прежде
Спасти ее намъ должно. (*Подымая Лукрецію*) Герцогиня!

ЛУКРЕЦІЯ (*въ сильной горячкѣ.*)

Торкватъ! Прощайте, вы свободны!

АЛЬФОНСЪ.

Боже!
Она въ умѣ немного повредилась.

ЛУКРЕЦІЯ.

Прости меня, божественный Поэтъ,
Прости мнѣ клевету! — Вторая Федра,
Тебя преслѣдуя, себя сгубила;
Жизнь раннюю порокомъ отравила.
Какъ геній, ты мнѣ жизнь благовѣщалъ,
Какъ чистый жрецъ меня благословлялъ

И посвящалъ въ Весталку вдохновенья
Ничтожное и слабое творенье.
Но я сама, нечистою душой,
Отвергла даръ и чистый и живой!
О удержи напрасные упреки!

(*Бѣжитъ и останавливается.*)

О добрый другъ! Другъ грозный и жестокій!
Забыла я давно твои черты....
Но гдѣ же ты, несчастный, гдѣ же ты!
Въ темницѣ ты; во гробъ безъ возвращенья
Повергла я любимца вдохновенья!
Онъ счастливъ! Такъ! Небесное чело,
Безъ солнца, тамъ прекрасно расцвѣло.
Не ропщетъ онъ на яростную львицу,
Онъ и забылъ ее; свою цѣвницу
Онъ строитъ для достойнѣйшей жены,
Кѣмъ краткіе его, такъ сладки сны;
Врагамъ своимъ и жребію послушной,
Не съ нами онъ, не здѣсь; въ темницѣ душной,
Гдѣ ангелы небесный ароматъ
Невидные, невидимо курятъ....

(*Впадаетъ въ глубокую задумчивость.*)

АЛЬФОНСЪ.

Лукреція!

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты здѣсь? — Какъ благъ Господь!
Нечаянно ты исповѣдь услышалъ,
Ту тайну, отъ которой я дрожала,
Которую ни ласки, ни угрозы,

Ни муки не могли бы вырвать. — Стыдно
Мнѣ бъ было признаваться въ столь преступной
Презрѣнной клеветѣ; но добрый геній
Всѣхъ васъ закрылъ въ моихъ очахъ преступныхъ.
Я видѣла Торквата только. Правда
Изъ устъ моихъ нежданно излилася
И мѣсто то, гдѣ тайну я хранила
Наполнило прекраснѣйшее чувство,
Котораго назвать я не умѣю.
О милый братъ, о другъ единый мой!
Прости его, прости! Поэтъ Великій
Не долженъ быть такъ долго наказуемъ
За то, что онъ и чище насъ и лучше.
О милый братъ! Еще одно прошенье; —
Кончаюсь я; ты видишь, смерть косою
Въ моихъ глазахъ убійственно сверкаетъ, —
Позволь ему изъ роковой темницы
Пріити къ одру преступницы несчастной.
Позволь хоть передъ нимъ мнѣ оправдаться..
Что я?.. Не оправдаться, — примириться,
Просить прощенья, плакать о грѣхахъ....
О призови, Альфонсъ великодушный,
Великаго Торквата!

АЛЬФОНСЪ.

Константини!

Просите Тасса. —

(Константини уходитъ; Альфонсъ и Леонора отводятъ Лукрецію въ глубину спальной и сажаютъ на кровать.)

ВЫХОДЪ 5-й.

ЛУКРЕЦІЯ, ЛЕОНОРА и АЛЬФОНСЪ.

(*Продолжительное молчаніе.*)

ЛЕОНОРА.

Лукреція! Ты страшно какъ-то дышишь;
Вокругъ тебя весь воздухъ пламенѣетъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

О! тяжко мнѣ! Мой Ангелъ, Леонора!
Не оскверняй себя порочнымъ чувствомъ,
И не питай земной любви къ Поэту!
Мы женщины; тщеславье или страсть
Чаруютъ насъ. Мы — непорочнымъ сердцемъ
Мужчинъ любить не можемъ; заблужденье,
Тщеславье или страсть, — вотъ наши узы!
Не унижай, другъ милый, Леонора,
Прекраснѣйшаго сердца — честолюбьемъ
Или преступной страстью! — Я прошу —
Молю, — забудь великаго Поэта! —
Волшебница! онъ твой! ты не исполнишь
Моей мольбы... Темнѣетъ свѣтъ... Сестра!
Забудь его... Мнѣ душно, кровь клокочетъ...
Забудь его!.. О стыдъ и униженье....

ВЫХОДЪ 6-й.

Тѣ же, ТАССЪ и КОНСТАНТИНИ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Невиненъ Онъ! Я всѣхъ васъ обманула!..
Забудь его!.. Вотъ мой судья приходитъ.

(*Тассъ подбѣгаетъ и падаетъ у ея кровати на колѣна; Лукреція хватается за сердце.*)

Ахъ! сердце, сердце....

(*Съ пронзительнымъ крикомъ.*)

Га! разорвалось!.. (*Умираетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната Смотрителя за Феррарскимъ дворцемъ.

ВЫХОДЪ 1-й.

РОЗИНА (*одна, пляшетъ и поетъ*).

Когда дѣвица жить начнетъ,
Всё веселиться, прыгать хочетъ;
О мужѣ-скукѣ не хлопочетъ
И всё поетъ.

* * *

И на яву, и въ сладкомъ снѣ,
То музыка, то пляска снится;
Какъ ноги, голова кружится
И вся — въ огнѣ.

* * *

Но если скука — мужъ придетъ,
Она всѣ радости разлюбитъ,
Одну тоску свою голубитъ
И не поетъ.

Но такъ и быть! Я полюбила скуку, —
И какъ она прекрасна и мила!
Когда при немъ я эту пѣснь пою,
Онъ говоритъ: какъ эта пѣснь стара!
Но онъ не мужъ; на мужа очень молодъ;

Ему всего пятнадцать только лѣтъ,
А мнѣ? а мнѣ — четырнадцать сегодня.

(*Пляшетъ и поетъ.*)

Пойте, смѣйтесь и пляшите!
Жизнь уйдетъ и не придетъ;
И тогда уже любите. . . .

ВЫХОДЪ 2-й.

РОЗИНА и ДЖУЛІО МОСТИ.

РОЗИНА.

Ахъ, Джуліо!

Д. МОСТИ.

Розина! Тассъ свободенъ!

РОЗИНА.

А съ нимъ и ты?

Д. МОСТИ.

Не знаю, можетъ быть. —
Гдѣ твой отецъ?

РОЗИНА.

Пошелъ на верхъ, къ Альфонсу;
А я одна со скуки пѣсню пѣла.

Д. МОСТИ.

О, милая! не время намъ скучать.
Великаго простилъ великій Герцогъ!
Лукрецію онъ отдаетъ ему.
Она отъ страсти къ Тассу такъ страдала,
Что чуть было не отошла ко предкамъ. —

РОЗИНА.

О Джуліо! Что это значитъ: страсть!

Д. МОСТИ.

Огонь въ крови, огонь въ душѣ и сердцѣ;
Пріятное затмѣніе разсудка,
Очаровательное горе....

РОЗИНА.

Мости!
Испанка я, — и вашъ языкъ прелестный
Мнѣ дикъ и новъ; и многихъ, многихъ словъ
Еще не понимаю; что сказалъ ты,
Я признаюсь, не поняла. Какъ? горе
Очаровательно! — Какъ хочешь, милый,
А мнѣ смѣшно. — Огонь въ душѣ! Прекрасно!
Вотъ страсть!

(*Слышанъ колокольный звонъ.*)

Д. МОСТИ.

Что это?

РОЗИНА.

Умеръ — кто нибудь;
Вѣдь это такъ обыкновенно! Полно
Печалиться; и мы съ тобой умремъ.

(*Звонъ становится сильнѣе.*)

Развеселить тебя? Я протанцую,
Спою твою любимую октаву.

(*Начинаетъ пѣть.*)

Душа велѣла *жизнь* любить,
А *жизнь* и *душу* ненавидѣть...

Д. МОСТИ.

О, перестань!... Пойдемъ, узнаемъ лучше...

РОЗИНА.

О! если вмѣстѣ, — я вездѣ готова!

(Обнявъ Мости, поспѣшно съ нимъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Кабинетъ Герцога Феррарскаго.

ВЫХОДЪ 1-й.

АЛЬФОНСЪ и ЛЕОНОРА.

АЛЬФОНСЪ.

Оставь ее! Ты повредишь здоровью.
Не плачь, сестра! Такъ хочетъ Провидѣнье!
Не плачь! (а самъ я плачу, какъ ребенокъ!)
Сестра моя, послѣдняя надежда!
Вотъ каждый годъ ударъ во слѣдъ удару....
И скоро твой Альфонсъ оставитъ свѣтъ.
Не убивай меня своимъ страданьемъ;
Мнѣ надо жить, хоть жизнь давно мнѣ въ тягость.

ЛЕОНОРА.

Живите, Ваша Свѣтлость!

АЛЬФОНСЪ.

Ваша Свѣтлость!
Несчастный! Тамъ одна сестра во гробѣ
Слезамъ моимъ и горести не внемлетъ;
Другая здѣсь даетъ мнѣ разумѣть,
Что и она въ груди хранитъ могилу
И ледянымъ, ужаснымъ языкомъ
Язвительно лепечетъ: Ваша Свѣтлость!

ЛЕОНОРА.

О, милый братъ! Прости меня, прости!
Съ недавнихъ поръ Альфонсъ великодушный
Такъ грозенъ сталъ, такъ вспыльчивъ, такъ ужасенъ,
Что я....

АЛЬФОНСЪ.

Молчи; я и теперь ужасенъ.
Когда въ душѣ возстанутъ привидѣнья:
Лукреція и этотъ Тассъ въ больницѣ! —
Прекрасный другъ! другъ милый, Леонора,
Забудь ее, прости ей клевету!
Пусть радость возвратится въ домъ Альфонса,
Живи еще, переживи меня,
Изыщемъ вмѣстѣ средства, какъ Торквата
Вознаградить за семилѣтній стыдъ,
За семилѣтнія страданья....

ЛЕОНОРА.

Герцогъ!
Я раздѣляю ваше положенье;
Но, кажется, не выдумаемъ мы
Наградъ за то, что потерялъ несчастный.

АЛЬФОНСЪ.

Ты думаешь?

ЛЕОНОРА.

Увѣрена.

АЛЬФОНСЪ.

Послушай!
Ты любишь ли несчастнаго Торквата?

ЛЕОНОРА.

Достоинъ ты взаимныхъ откровеній.
Такъ! Я люблю и горячо люблю.

АЛЬФОНСЪ.

Вотъ какъ меня...

ЛЕОНОРА.

Простите, Ваша Свѣтлость!

АЛЬФОНСЪ.

Нѣтъ, ничего, извольте... продолжайте...

ЛЕОНОРА.

Я снова повторяю, что люблю...

АЛЬФОНСЪ.

Я это слышалъ...

ЛЕОНОРА.

Но не такъ, какъ должно.
Рѣшился ты оставить здѣсь Торквата,
Лелѣять вечеръ горькой жизни Тасса
И заживить мучительныя раны...
Все это, Герцогъ, все тебя достойно!
А я должна его и васъ оставить. —
Люблю его, онъ любитъ Леонору;
Но знаю я, что бракъ нашъ невозможенъ...

АЛЬФОНСЪ.

Сестра моя, герой мой, Леонора...

ЛЕОНОРА.

Что онъ не мужъ Феррарской Герцогинѣ!
Достоинство свое я лучше знаю,
Чѣмъ онъ, чѣмъ всѣ, чѣмъ даже ты, Альфонсъ.
Останусь здѣсь; — кто знаетъ, можетъ быть

Во мнѣ и въ немъ любовь сильнѣй взыграетъ;
Забудемъ мы о выгодахъ Феррары,
О будущемъ, о прошломъ, и погибнемъ.
Но если мы, далёко другъ отъ друга,
Займемся намъ приличнымъ упражненьемъ, —
Поэзіей Торкватъ, а я — молитвой,
Годъ промелькнетъ, другой, простынемъ оба;
Увѣримся, что наша страсть напрасна;
Тогда опять спокойно, хладнокровно
Сойдемся мы, какъ старые друзья —
И вечеръ твой, Альфонсъ великодушный,
Всеобщимъ нашимъ счастьемъ будетъ красенъ.
Согласны ль — вы?

АЛЬФОНСЪ.

Какъ громомъ пораженный,
Не знаю я, что чувствовать, что думать?
Не женщина ты, Леонора; геній,
Чистѣйшій духъ, небесное созданье!
Теперь я понимаю, почему
Творенія Торквата такъ прекрасны;
Вдохнулъ ихъ геній-Леонора.

ЛЕОНОРА.

Герцогъ!
Согласны ль вы?

АЛЬФОНСЪ.

Нѣтъ, другъ мой, несогласенъ!
Какъ мнѣ съ тобой, чудесная, разстаться?...

ЛЕОНОРА.

Два года только; годъ одинъ...

АЛЬФОНСЪ.

Да будетъ!

Куда же?

ЛЕОНОРА.

Къ брату Кардиналу д'Estъ.

АЛЬФОНСЪ.

О! я согласенъ! Но когда?

ЛЕОНОРА.

Сегодня.

АЛЬФОНСЪ.

Сегодня! Какъ?

ЛЕОНОРА.

И даже черезъ часъ.
Я не могу съ Торкватомъ повстрѣчаться.
Отдамъ сестрѣ послѣднее лобзанье,
Васъ обниму и тотчасъ въ путь; а завтра,
Прошу васъ, дамъ моихъ и слугъ отправьте!
Но, милый братъ! еще одно прошенье....

АЛЬФОНСЪ.

Все, все на свѣтѣ....

ЛЕОНОРА.

Столько бѣдъ и горя
Въ груди твоей оставили слѣды...
Не обижай несчастнаго Поэта
Упреками, тоской, воспоминаньемъ;
Прости ему невольные проступки....

АЛЬФОНСЪ.

И ты могла въ Альфонсѣ сомнѣваться?

ЛЕОНОРА.

О нѣтъ, мой братъ! Но горе — очень сильно. —
Ты видѣлъ героиню-Леонору;
О будь же, Герцогъ, братомъ Леоноры!
(Обнимаетъ Альфонса.)
Пойду къ сестрѣ завидовать.

ВЫХОДЪ 2-й.

Тѣ же, ТАССЪ и КОНСТАНТИНИ *(входя, встрѣчаются съ Леонорой.)*

[ЛЕОНОРА.

Всесильный! *(Уходитъ.)*

ТАССЪ *(про себя.)*

О, геній мой! Я твой завѣтъ исполню;
И женщина меня не поколеблетъ!

АЛЬФОНСЪ.

И такъ, мой Тассъ, насъ смерть соединяетъ
И, кажется, на вѣки.

ТАССЪ.

Ваша Свѣтлость!
Судьба не позволяетъ. Я рѣшился.
Мнѣ должно изъ Феррары удалиться —
Для моего и вашего покою.
Преступникъ я предъ вашими очами,
Виновникъ смерти Герцогини, демонъ,
Принесшій въ домъ вашъ смуту и печаль.
Я самъ винюсь. — Изяществомъ природы,
Пушистымъ лѣсомъ, рѣзвой рѣчкой, небомъ,
луной, звѣздами, пѣснью птицъ свободныхъ

Я долженъ былъ спокойно любоваться;
А красоты дивно прелестныхъ женщинъ
Я долженъ былъ искать въ воображеньи,
Влюбляться въ темныя свои созданья,
И прелестью воздушной упиваться.
Тамъ — все мое; — здѣсь, на землѣ печальной,
Все отдано во власть людей коварныхъ,
Завистливыхъ, надменныхъ, своенравныхъ.
Не съ ними я, — на празднествахъ, турнирахъ, —
Былъ долженъ пировать и препираться;
Но я забылъ, что пѣснь Іерусалима
Должна гремѣть въ устахъ простыхъ и чистыхъ;
Что тѣ уста, изъ коихъ стихъ прекрасный,
Какъ легкій неба воздухъ, вырывался, —
Не жаромъ сладострастнаго лобзанья
Должны горѣть; что жизнь Торквата Тасса
Давнымъ давно принадлежитъ не мнѣ,
А людямъ всѣмъ, природѣ и столѣтьямъ.
И что во мнѣ, въ потухнувшемъ волканѣ?
Не обожгу я, правда; но и ночи
Не освѣщу огнемъ великолѣпнымъ.... —
А тамъ, а тамъ, гдѣ бурный Тибръ шумитъ,
И мутными, какъ мысль моя, волнами,
Торжественно о прошломъ говоритъ;
Предъ вѣчными стѣнами Пантеона,
Предъ куполомъ Апостола Петра,
Передъ людьми, которыхъ ненавижу, —
Увижу блескъ Виргильева вѣнца,
И торжество невинности увижу!... —

О Герцогъ мой, Альфонсъ великодушный!
Не суетенъ былъ мощный голосъ духа,
Который мнѣ указывалъ храмъ Славы,
Который мнѣ Виргиліевъ вѣнецъ
Показывалъ, какъ должную награду
За всѣ мои страданія и муки,
За чистоту, за благородство сердца,
За все, за все, что я на этомъ свѣтѣ
И пренебрегъ и потерялъ. Альфонсъ
Великодушный! Ты меня изъ гроба
Извлекъ; но что жъ ты далъ мнѣ въ этомъ свѣтѣ?
Не гробъ ли вновь? Его ищу, прошу.
Такъ окажи послѣднюю мнѣ милость;
Дай гробомъ мнѣ великолѣпный Римъ,
Огромную прошедшаго могилу!
Тамъ я найду мѣстечко для себя,
Приличное, достойное. Спокойно
Закрою я измученныя вѣжди;
Но не отъ мукъ, не отъ страданій тяжкихъ;
Но отъ лучей прекраснаго вѣнца. —
Увѣнчанный, — въ безсмертье изъ безсмертья
Я перейду однимъ великимъ шагомъ! —

АЛЬФОНСЪ (*про себя*).

Несчастный! въ Римъ! Кто изъ моихъ враговъ
Ему шепнулъ ужасное желанье?
Туда должна уѣхать Леонора —
И онъ туда влекомъ судьбой упорной...

(*Громко.*)

Нельзя, Торкватъ; твое здоровье...

ТАССЪ.

Слабо!
Мнѣ вреденъ воздухъ пагубной Феррары;
Она меня такъ страшно изнурила.
Спаси меня, Альфонсъ великодушный!
Спаси остатокъ силъ моихъ, Великій! —

АЛЬФОНСЪ.

Нельзя, Торкватъ! Я лучше знаю пользу
Твою... нельзя... Но, Константини!
Насъ ждутъ дѣла. О смерти Герцогини
Намъ должно написать во всѣ мѣста,
Гдѣ только въ ней участье принимали.
Пойдемъ, пойдемъ! (*Уходя.*) Обрядъ устройте также
Для погребенья. Намъ не время плакать.
У насъ одно родство — съ одной Феррарой.

ВЫХОДЪ 3-й.

ТАССЪ (*одинъ*).

Для славы — все — и ничего — для Тасса!
Ничтожной милости не хочетъ сдѣлать.
»Нельзя, нельзя!« (*Подумавъ.*) Быть можетъ тайно, хитро
Онъ мнѣ готовитъ месть за Герцогиню,
Которую онъ самъ низвелъ въ могилу? —
Естественно! Да и къ чему бъ ему
Удерживать Пѣвца, безъ вдохновенья
И безъ ума, — при суетномъ Дворѣ?
Ага! Я все проникъ. Коварство, хитрость
Уже не такъ мою тревожатъ душу;

Я ужъ привыкъ спокойно, хладнокровно
Встрѣчать и отражать ихъ нападенья.
Нельзя, нельзя! Но что жъ меня удержитъ?
Я, испытавъ твою несправедливость
Единожды, не долженъ больше вѣрить
Твоимъ обѣтамъ.

(Со смѣхомъ.)

Замыслъ не удался!
Нѣтъ! Я уйду скорѣе злобы, мести,
Скорѣе мысли ненавистной, — въ Римъ.
Туда, туда походъ послѣдній Тасса!

(Хочетъ итти.)

ВЫХОДЪ 4-й.

ТАССЪ и МОСТИ.

Д. МОСТИ.

Какъ я попалъ сюда? — Не понимаю!
Я васъ искалъ, а встрѣтилъ трупъ несчастной
Лукреціи... Что съ вами? Успокойтесь!

ТАССЪ.

О, миръ тебѣ, страдалица страстей,
Невинная виновница несчастій,
Которыми ужасный Тассъ прославленъ! —
Прощай, мой другъ!

Д. МОСТИ.

Куда вы это?

ТАССЪ.

Въ Римъ!

Д. МОСТИ.

Меня, меня съ собой возьмите!

ТАССЪ.

Юный,

Прекрасный другъ! Торкватъ на смерть идетъ;

А ты его во гробѣ хочешь видѣть!

Д. МОСТИ.

Не въ гробѣ, нѣтъ; но въ славѣ, въ торжествѣ!

Я вамъ принесъ мое младое сердце;

Семь лѣтъ при васъ я пробылъ неотлучно;

Все лучшее я въ вашемъ сердцѣ спряталъ;

А вы меня хотите здѣсь оставить!

ТАССЪ.

Нѣтъ; никогда! Со мной, со мной! въ тотъ Римъ,

Гдѣ хладный гробъ Торквата ожидаетъ.

Д. МОСТИ (*бросается въ объятія Тасса*).

Прощай, моя Феррара и Розина!

Васъ много есть, а Тассъ одинъ на свѣтѣ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО АКТА.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Римъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мѣсто предъ Пантеономъ.

ВЫХОДЪ 1-й.

ТАССЪ и МОСТИ (*спящій у входа въ Пантеонъ.*)

ТАССЪ (*ходя около храма и осматривая*).

О, кто тебя изъ камня изваялъ,
Великій храмъ, и на землѣ поставилъ,
Божественный вѣнецъ Искусства? Дивно
Твой куполъ вознесенъ подъ куполъ неба,
И споритъ съ нимъ красой и велелѣпьемъ;
Какъ вѣчность, тянутся столпы; какъ мыслямъ
Великаго ума — имъ нѣтъ числа;
И какъ мечты Поэта, стройны, мрачны,
Они глядятъ съ презрѣніемъ на міръ
И въ небеса бѣгутъ, землей гнушаясь.
Какъ въ зеркало, гляжусь я въ этотъ храмъ —
И онъ меня такъ странно отражаетъ!
Я вижу въ немъ себя — и не себя.
Мнѣ кажется, онъ рукъ моихъ созданье;
Когда же я воздвигъ его, не помню.
Смотрю, не насмотрюсь; онъ мнѣ знакомъ —
То Славы храмъ, то Римскій Пантеонъ;
Давно объ немъ Пѣвцы пропѣли пѣсни;

Давно молва свое проговорила;
А онъ все новъ; дряхлѣя, молодится
И нѣтъ конца его существованью!...

ВЫХОДЪ 2-й.

Тѣ же и ДВА ГЕРМАНСКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ПЕРВЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Теперь никто не отвлечетъ вниманья;
Мы можемъ оцѣнить архитектуру...

(*Теряются за колоннами.*)

ТАССЪ.

Кто можетъ оцѣнить творенье неба;
Опредѣлить то чудо вдохновенья,
Которымъ здѣсь ознаменованъ геній?
Самонадѣянность людей! Не стыдно ль
Желать вселенную поднять на плечахъ,
На человѣческихъ ничтожныхъ плечахъ!
Не стыдно ли съ увѣренностью дерзкой
Небесное земнымъ умомъ цѣнить!
Благоговѣйте, если въ силахъ! Только!
Довольно съ васъ! И то благодарите,
Что отъ суда такого добрый геній
Всего изящнаго — не отвратился,
Не предалъ васъ холодному забвенью
И гробъ вашъ посѣщать благоволитъ!
Но геній, я забылъ, давно оставилъ
Земную твердь. Онъ снова въ океанѣ
Небесныхъ волнъ ждетъ новыхъ поколѣній; —
И, правда, нѣкому теперь принять

Его на суетной землѣ; всѣ люди
Окаменѣли; ужасы войны,
Кровь и пожаръ... Пожаръ! Что, если пламя,
Всеразрушающій, враждебный геній,
Какъ тать, тебя, великій храмъ, обыметъ?
Предательскимъ и жаркимъ лобызаньемъ
Всего тебя обрушитъ въ кучи пепла?
Падутъ твои безмѣрные столпы;
Глава твоя пол-города покроетъ
И не спасетъ тебя, зиждитель геній! —
Но какъ я простъ! Я и забылъ, что ты —
Прочнѣе моря, воздуха, земли
И всѣхъ стихій! — Изъ камня, изъ безсмертья
Воздвигнутъ ты, и отъ стихій вліянья
Собой тебя закрылъ зиждитель геній!

ВЫХОДЪ 3-й

Тѣ же и ТОЛПА НАРОДА, (*съ разныхъ сторонъ приходящаго*).

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Куда идешь?

ВТОРОЙ.

Иду на рынокъ. Надо
Мнѣ закупить хозяйскіе припасы,
Но холодно, я дрогну.

ПЕРВЫЙ.

И я также.
Какъ жарокъ день; какъ мертвая, въ истомѣ,

Не чувствуешь, что дѣется кругомъ;
А утромъ холодъ. — Ну, а мать твоя? —

ВТОРОЙ.

Мы съ ней еще съ тѣхъ поръ не помирились...
Но, Боже мой, кто это тамъ? Ты видишь?..

ПЕРВЫЙ.

Ахъ! убѣжимъ! Онъ какъ-то странно ходитъ.
Онъ на одномъ кружится мѣстѣ. Боже!
Какъ страненъ онъ! Ой, убѣжимъ; ты знаешь,
что городъ нашъ наполненъ всякой дрянью!

ВТОРОЙ.

И, перестань! Не воръ онъ, не убійца.
Смотри: на немъ какое одѣянье;
То вѣрно издалёка иностранецъ
Предъ камнями ночуетъ Пантеона.
У этихъ иностранцевъ все не такъ,
Какъ вотъ у насъ, у Римлянъ простодушныхъ.
Слыхала я отъ матери моей,
Что многіе изъ этихъ сумасшедшихъ
Приходятъ къ камню, камень обнимаютъ,
Съ нимъ говорятъ иной разъ цѣлый день
И съ камнемъ ночь безсонную проводятъ.

ТРЕТІЙ.

Смотри, смотри! Какъ жадно въ этотъ храмъ
Чудакъ влѣпилъ тоскующія очи!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Кто тамъ, пріятель?

ТРЕТІЙ.

Я не знаю; только
Прелюбопытный этотъ иностранецъ.

*

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Онъ иностранецъ? — Кто же онъ? — Откуда? —
Что такъ ему понравились колонны? —
Откуда онъ? — Какой нибудь лазутчикъ! —
Поймать бы надо. — Вотъ ужасно нужно;
И мало ли приходитъ къ намъ людей?
Такъ всѣхъ ловить! Не переловишь. — Тише,
Чудакъ заговорилъ по-Итальянски....

(Толпа, стихая, тѣснится около Тасса.)

ТАССЪ.

Я былъ во снѣ, но въ сладостномъ, прекрасномъ!
И снилось мнѣ, что нѣсколько столѣтій,
На крыльяхъ, мимо храма, пролетали;
Но объ его столпы ихъ разбивали.
А я стоялъ на высотѣ, далеко.
Народъ внизу то шумно прибывалъ,
То убывалъ, стихая постепенно,
То вновь кипѣлъ нежданной полнотой,
Но никогда окрестность не пустѣла....

(Восходитъ къ Мости.)

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Какъ говоритъ и плавно и красиво! —
Да смыслу нѣтъ. — Альфонсъ пріѣхалъ въ Римъ;
То Секретарь Альфонса. — Константини? —
Феррарскій Герцогъ? — Да. — А это кто? —

ТАССЪ, *(обращаясь къ народу, но не примѣчая чрезвычайнаго стеченія).*

Великій Римъ! Уста простолюдина, —

Безъ трепета, безъ страха и волненья, —
Твое святое имя произносятъ!
Но тотъ, кто жизнь великія столицы
Съ вниманьемъ, любопытствомъ прочиталъ;
Кто чудеса твоихъ гражданъ героевъ
Постигъ, запечатлѣлъ и оцѣнилъ; —
Безъ страха тотъ, безъ трепета, боязни,
Пяти шаговъ по улицамъ твоимъ
Не можетъ сдѣлать; все подъ нимъ горитъ
Торжественнымъ какимъ-то, дивнымъ свѣтомъ;
Смущенный, онъ боится наступить
На тайную гробницу человѣка,
Великаго оружьемъ иль умомъ.

Д. МОСТИ (*встаетъ и съ удивленьемъ смотритъ на вдохновеннаго Тасса*).

И это все рукою человѣка
Воздвигнуто! — Кто жъ этотъ человѣкъ?
Какъ онъ великъ! — И эти мухи - люди
Въ его созданіяхъ гнѣздятся... Люди!
Смотрите: это онъ, тотъ человѣкъ,
О коемъ я сказалъ; великій, мощный!...

ГОЛОСЪ ВЪ НАРОДѢ.

Что тамъ, друзья, пожаръ онъ видитъ, что ли?

Д. МОСТИ (*Тассу.*)

Толпа тебя не понимаетъ. Дико,
Безчувственно она глядитъ. — Ей страненъ
И теменъ твой торжественный языкъ.

ТАССЪ.

Малютки! Жаль мнѣ васъ! Какая глупость
Написана на этихъ мелкихъ лицахъ!
Какъ всѣ черты изображаютъ ясно
То гордость, то корысть, то униженье...

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Да онъ ругается! — Съ крыльца его! —
Съ крыльца долой! — Намъ умниковъ не надо! —

ТАССЪ.

Чего ревутъ народа шумны волны?

ГОЛОСА.

Онъ говоритъ. — Послушаемъ. — Съ крыльца!.. —

ТАССЪ.

Умолкни, чернь! Когда пророкъ вѣщаетъ,
Благоговѣй, невѣжество... Ни слова!

ГОЛОСА.

Кто?— Онъ пророкъ? — Съ крыльца его! — Съ крыльца!...
(Народъ бросается къ Пантеону.)

Д. МОСТИ *(удерживая народъ.)*

Куда, слѣпцы? — Подобные вамъ люди
Всю жизнь его несчастьями покрыли!
Со всѣхъ сторонъ клеветники и зависть
Изранили его младое сердце!
А онъ прославилъ васъ! Не помнилъ онъ
Обидъ, клеветъ, ругательствъ, оскорбленій;
Онъ бремя несъ, не заслуживъ его.
Весь свѣтъ его какъ чудо превозноситъ...
А вы?... Но кто васъ можетъ обвинять?

Не знаете таинственнаго гостя!
Я вамъ скажу. Благоговѣйте, люди!
Великій Римъ! — Твой гость — великій Тассъ!

(*Народъ отхлынулъ и съ глубокимъ почтеніемъ нѣсколько разъ произноситъ имя Тасса.*)

Европа, міръ, Поэтовъ не умѣютъ
Ни оцѣнять, ни награждать достойно.
Поэзія вездѣ слыветъ мечтой,
Занятьемъ безполезнымъ, даже вреднымъ;
Но Римъ одинъ отвергнулъ предразсудки;
Отъ давнихъ лѣтъ Науки и Искусства
Его своей столицей именуютъ.
Дѣйствительно! Римъ есть столица славы!
Въ немъ тысячи свершалися торжествъ;
Не разъ, не два разнообразный геній
Лавровыми листами обвивался!
Для славы созданъ Римъ; — и не на то ли
Въ его стѣнахъ безсмертный Капитолій!
И для чего, скажите, наконецъ
Хранится въ немъ Виргиліевъ вѣнецъ?...

НАРОДЪ (*въ сильнѣйшемъ волненіи*).

Вѣнчать его! Вѣнчать Торквата Тасса! —
Вѣнчать Поэта перваго на свѣтѣ! —
Великій къ намъ пришелъ за торжествомъ!

(*Народъ, устремившись къ Пантеону, поднимаетъ Тасса на руки и уноситъ посреди кликовъ.*)

Да здравствуетъ Пѣвецъ Іерусалима! —
Къ Святѣйшему! — Нѣтъ! прямо въ Кампидолій! —

Вѣнчать его!... Вѣнчать Торквата Тасса.

(*Всѣ уходятъ.*)

ВЫХОДЪ 4-й.

ТОЛПА НОВЫХЪ ГРАЖДАНЪ (*пробѣгаетъ въ томъ направленіи, куда понесли Тасса*).

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Что тамъ за крики? — Кого несутъ Римляне? —
Я старъ и слабъ; о, дочь! веди меня;
Не помню я такого шума въ Римѣ
И радости такой еще не помню! —
Творецъ! Землетрясенье въ Римѣ, что ли? —
— Огонь подземный? — Нѣтъ! пожаръ! — Скорѣе;
Мы не догонимъ... — Врачъ нашъ, Клавдій Риги.
Какъ онъ спѣшитъ! Кто умираетъ въ Римѣ? —

ВЫХОДЪ 5-й.

Тѣ же и КЛАВДІЙ РИГИ.

К. РИГИ (*поспѣшно проходя*).

Великій Тассъ отъ радости слабѣетъ;
Къ нему спѣшу; онъ въ домѣ у меня...

(*Уходитъ.*)

ВЕСЬ НАРОДЪ (*поспѣшно за нимъ слѣдуя*).

Бѣги, лети! Спасай Торквата Тасса!...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната Леоноры въ домѣ Кардинала д'Эстѣ.

ВЫХОДЪ 1-й.

ЛЕОНОРА (*одна читаетъ*).

Нѣтъ! Все не то! Въ стихахъ я этихъ вижу
Одну тоску незрѣлаго таланта.
Нѣтъ силы той, того очарованья,
Кѣмъ я живу и въ Римѣ и въ Феррарѣ.
О скоро ли заснетъ въ моей груди
Мой Тассъ, воспоминаніе блаженства?
Какъ мнѣ скрывать, чѣмъ сердце у меня
Отравлено, оковано и сжато? —
Альфонсъ, Альфонсъ! Мнѣ скучно безъ тебя;
Скучнѣе безъ тебя мнѣ, Константини!
Одинъ — ты смѣлъ глядѣть украдкой въ сердце
Несчастной Леоноры, и порой
Меня ласкать участьемъ, снисхожденьемъ,
И въ свѣтломъ облакѣ манить надеждой!
Но все прошло! — Страдаетъ Герцогиня
За то, что Герцогиня!.. Боже! кто тамъ?..

ВЫХОДЪ 2-й.

ЛЕОНОРА и КОНСТАНТИНИ.

ЛЕОНОРА.

Ахъ, Константини. Вы давно ли въ Римѣ?..

КОНСТАНТИНИ.

И часу нѣтъ! — За мною слѣдомъ Герцогъ
Поспѣшно ѣдетъ. Онъ боится Тасса,
Его любви къ прекрасной Герцогинѣ....

ЛЕОНОРА.

Люблю я брата, мнѣ пріятно видѣть
Его всегда. Но въ этомъ разъ — я грозно
Приму его. — Обидно, Константини! —
Вы знаете, какъ мы разстались съ нимъ?
Какъ только умерла сестра, — Альфонсъ
Рѣшился вновь принять къ Двору Торквата
И мнѣ объ этомъ объявилъ. Я тотчасъ
У брата въ Римъ на время отпросилась,
Чтобъ не видаться болѣе съ Торкватомъ
И — ночью — я оставила Феррару.
А онъ меня еще подозрѣваетъ!
Но правъ Альфонсъ! Любовь моя безмѣрна.
Любовь, одна любовь меня подвигла, —
Чтобы спасти Торквата, — удалиться.
Какъ безкорыстна я, не правда ль? Подвигъ
Я совершила исполинскій; чувство
Самодовольствія во мнѣ разлилось,
И я вполнѣ, вполнѣ награждена! —
Но что же съ нимъ, съ моей мечтой прекрасной?
Гдѣ онъ?

КОНСТАНТИНИ.

Онъ здѣсь! Я ѣхалъ черезъ площадь
И видѣлъ чудо, Герцогиня! Шумно
Народъ на раменахъ Поэта несъ
Вѣнчать вѣнцемъ Виргилья въ Капитолій.
Напрасно я къ нему хотѣлъ пробиться;
Народъ, какъ бы единый человѣкъ,
Былъ тѣсенъ, густъ и неразрывенъ; крики

Безмѣрный воздухъ наполняли; дѣти
Старухи, старцы всѣ за нимъ бѣжали
И всякъ изъ нихъ его благословлялъ,
И всякъ изъ нихъ хотѣлъ вѣнчать Поэта.
Тогда въ глазахъ моихъ блеснули слезы;
Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ. О! сладко
Подъ лаврами обнять такого друга,
Тѣмъ больше, если онъ вѣнца достоинъ!
О торжество невинности и славы!
Благословенъ да будетъ вѣчно Промыслъ!
Онъ справедливъ....

ЛЕОНОРА

И грозенъ! О зачѣмъ
Вѣнецъ тотъ не корона!

ВЫХОДЪ 3-й.

Тѣ же и АЛЬФОНСЪ.

АЛЬФОНСЪ.

Леонора!

ЛЕОНОРА.

Мой братъ, Альфонсъ!...

АЛЬФОНСЪ.

Послѣдняя отрада!
Въ послѣдній разъ пришелъ тебя увидѣть.
Скучаешь ты въ столицѣ свѣта, ангелъ!
Одну тебя нашелъ я съ Константини!
Но гдѣ же тотъ, кого я такъ любилъ
И грозно такъ преслѣдовалъ повсюду,
Кто такъ упорно борется со мной? —

Я думалъ: онъ съ тобой... и кровь хладѣла,
Щетинился мой бѣлый волосъ; очи
Слезами наливались. Леонора!
Прости меня; но кто перетерпѣлъ,
Перестрадалъ такъ много въ этой жизни,
Естественно, въ томъ скоро подозрѣнья
Родятся, умираютъ и родятся.
И со стыдомъ, я признаюсь, вотъ поводъ
Единый моего пріѣзда въ Римъ.
Но гдѣ же онъ? —

КОНСТАНТИНИ.

Не нашъ онъ, Ваша Свѣтлость!
Безсмертіе его отъ насъ отъяло
И повело на вѣчность въ Капитолій.

АЛЬФОНСЪ.

Какъ счастливъ онъ! какъ вмѣстѣ я несчастливъ!
Не потому, что торжество Торквата
Меня гнѣвитъ. Напротивъ! Очень радъ!
Я самъ хотѣлъ Святѣйшаго просить;
Но весь народъ предупредилъ меня,
И вотъ, что очень больно для Альфонса!

ВЫХОДЪ 4-й.

Тѣ же и ГОНЗАГО.

ГОНЗАГО.

Какая новость, Ваша Свѣтлость! Трудно
Повѣрить... Непонятно... Тассъ ужъ здѣсь...

АЛЬФОНСЪ.

Я это зналъ въ Феррарѣ.

ГОНЗАГО.

Ваша Свѣтлость!
Все знаете, но вотъ что новость: Римъ
Весь въ торжествѣ и завтра въ Капитолій,
Согласно съ волей Папы, Тассъ нашъ вступитъ
И отъ руки народа будетъ вѣнчанъ!
Его Святѣйшество опасно боленъ,
И потому при торжествѣ не будетъ;
Но торжества не хочетъ отлагать,
Чтобы нечаянно у нихъ кончина
Не вырвала двойнаго торжества:
У одного вѣнца, а у другаго — чести
Быть современникомъ вѣнчанья Тасса
И главною тому причиной. — Слава
И благодарность, — вотъ чѣмъ Римъ наполненъ!
Сегодня цѣлый городъ освѣтятъ
Потѣшными огнями; завтра утромъ
Великое вѣнчанье совершится!

АЛЬФОНСЪ.

Благодарю! ты радостную новость
Принесъ ко мнѣ. Мы также завтра утромъ
Пойдемъ смотрѣть на праздникъ въ Капитолій
И лаврами обвитаго пѣвца
Торжественно отъ всей души поздравимъ. —
На радости и то мы позабыли,
Что въ домъ чужой пріѣхали; хозяинъ —
Больной въ постели ждетъ друзей и брата.

ЛЕОНОРА.

Какъ ожидалъ онъ Вашу Свѣтлость!

АЛЬФОНСЪ.

Право? —
Такъ онъ меня, какъ прежде, любитъ! Боже!
Для Тасса я забыть могъ даже брата!

(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Площадь предъ Капитоліемъ; весь Римъ и Капитолій освѣщены разноцвѣтными огнями; во многихъ мѣстахъ видны транспаранты съ вензелемъ ТТ. и съ различными аллегорическими картинами. На лѣвой рукѣ домъ съ портикомъ, Клавдія Риги.

ВЫХОДЪ 1-й.

ТОЛПА НАРОДА (*тѣснится около портика*).

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Когда вѣнчать назначено Торквата? —

ВТОРОЙ.

Герольды прокричали: завтра утромъ!
А ты не слышалъ.

ТРЕТІЙ.

Завтра утромъ? Боже!
Что если онъ умретъ еще сегодня?!

ВТОРОЙ.

Все можетъ быть, но видишь: свѣтъ зари, —
И солнце поспѣшаетъ для Торквата!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

То блескъ огней.

ВТОРОЙ.

Нѣтъ, другъ мой! Вонъ денница!
Свѣтлѣе нашихъ транспарантовъ блещетъ!

ПЯТЫЙ.

Что Риги говоритъ?

ШЕСТОЙ.

Плоха надежда;
Онъ проживетъ еще дня три, четыре...

ПЯТЫЙ

Не больше?

ШЕСТОЙ.

Да! не больше!

СЕДЬМОЙ.

Римъ отлично
Великаго Торквата принялъ...

ВОСЬМОЙ.

Да!
Но мертвецу не сладокъ ѳиміамъ.

СЕДЬМОЙ.

Да Слава камень воскресить возможетъ...

ВОСЬМОЙ.

А человѣка можетъ умертвить...

ВЫХОДЪ 2-й.

Тѣже и ТАССЪ, *поддерживаемый* Д. МОСТИ и КЛАВДІЕМЪ РИГИ *и сопровождаемый многими молодыми людьми, выходитъ въ портикъ.*

НАРОДЪ.

Торквато Тассъ! Поэту честь и слава!

ТАССЪ.

Благодарю, друзья, благодарю!
Отъ радости я изнемогъ!.. Мнѣ дурно...
О! дайте сѣсть... Пусть сладкій воздухъ Рима
Мнѣ возвратитъ слабѣющія силы.

(Приносятъ кресла. Тассъ садится и погружается въ мечтанія. Народъ пребываетъ въ благоговѣйномъ безмолвіи).

ТАССЪ *(тихимъ, но внятнымъ голосомъ).*

И это все для нищаго Пѣвца!
Для бѣднаго Пѣвца Іерусалима!...
Какъ оглянусь, мнѣ кажется, я прожилъ
Какую-то большую эпопею,
Трагедію огромную я прожилъ... —
День настаетъ; готовится развязка,
И утромъ я засну вечернимъ сномъ... —
Настанетъ время, и меня не будетъ,
И всѣ мои мечты и вдохновенья
Въ одно воспоминанье перельются!
Въ Италіи моей уснетъ Искусство,
Поэзія разлюбитъ край Торквата —
И перейдетъ на Западъ и на Сѣверъ!... —
Тогда въ снѣгахъ, въ туманномъ, хладномъ сердцѣ
Пробудится о мнѣ воспоминанье...
Тотъ юноша, холодный и суровый,
Отъ всѣхъ храня всѣ мысли и всѣ чувства,
Какъ друга моего, меня полюбитъ,
Какъ полюбилъ меня тотъ семилѣтній

И странный другъ въ больницѣ сумасшедшихъ.
Шесть лѣтъ со мной онъ будетъ безъ разлуки.
Еще дитя, въ училищѣ, за книгой,
Онъ обо мнѣ начнетъ мечтать и думать
И жизнь мою разскажетъ передъ свѣтомъ. —
Какъ Біографъ, холодный и пристрастный,
Онъ не пойдетъ годъ отъ году искать
Всѣхъ горестей моихъ и всѣхъ несчастій,
Чтобъ въ безобразной кучѣ ихъ представить.
Нѣтъ! Онъ въ душѣ угрюмой воскреситъ
Всю внутреннюю жизнь Торквата Тасса —
И выставитъ ее въ науку людямъ...
И эти люди прибѣгутъ смотрѣть,
Какъ жилъ Торкватъ; — большая половина
Трагедію прослушаетъ безъ вздоха!
Всегда, вездѣ одни и тѣ же люди...
Но, можетъ быть, — кто знаетъ? — поколѣнья
Измѣнятся.... Постойте!.. Вижу я:
Весь Западъ въ хладный Сѣверъ переходитъ...
О! сколько тамъ пѣвцовъ и музыкантовъ,
Художниковъ и умныхъ и искусныхъ!
Италіи моей уже не видно...
Но мѣсто то, гдѣ чудная лежала,
Покрылъ высокій холмъ, — могильный холмъ,
Но все еще великій и прекрасный!
Въ немъ есть врата, и любопытный Сѣверъ
Тѣснится въ нихъ, то входитъ, то выходитъ...
И всякій разъ изъ чуднаго холма
Какой нибудь кладъ дорогой уноситъ....

Но снова все туманится и тмится,
И я опять *одинъ* на цѣломъ свѣтѣ!
(*Впадаетъ въ глубокую задумчивость.*)

Д. МОСТИ.

Въ горячкѣ онъ? скажи мнѣ, Риги, правду!

К. РИГИ.

Нѣтъ, Джуліо! Онъ къ смерти очень близокъ;
А я читалъ, что будто передъ смертью
Предвидятъ все чувствительные люди...

ТАССЪ.

Опять народъ, опять весь свѣтъ кипитъ!
Вотъ, вижу я: въ толпѣ кудрявыхъ Тевтовъ
Поднялись два гиганта и въ вѣнцахъ!
Одинъ — меня узналъ и сладкой лирой
Привѣтствуетъ! Благодарю, Поэтъ!
Другой мечту прекрасную голубитъ;
Какъ пламенно свою мечту онъ любитъ!
И правъ Поэтъ! Прекрасная мечта!
Но мнѣ дика простая красота
Безъ вымысловъ наряда, украшеній,
И страненъ звукъ Германскихъ вдохновеній!
Друзья мои! Вотъ истинный Поэтъ!
Послушайте, какъ стихъ его рокочетъ,
То пламенно раздастся, то умретъ,
То вдругъ скорбитъ, то пляшетъ и хохочетъ.
Вокругъ него морозъ, свирѣпый хладъ,
(*огни гаснутъ, разсвѣтаетъ*)
А все на немъ цвѣтетъ вѣнецъ лавровый. —
Откуда онъ? — Невѣдомый нарядъ!

Подъ шубой весь и въ шапкѣ соболевой!
Анакреонъ, Горацій, Симонидъ
Вокругъ стоятъ съ подъятыми очами,
И Пиндаръ самъ почтительно глядитъ,
Какъ онъ гремитъ полночными струнами!
Что жъ онъ поетъ? — Его языкъ мнѣ новъ.
Въ немъ громъ гремитъ въ словахъ далекогласныхъ,
Тоска горюетъ тихо, — а любовь
Купается въ созвучьяхъ сладострастныхъ!
Какъ сей языкъ великолѣпенъ, гордъ!
Какъ риѳмъ его лобзаніе роскошно!
Какъ гибокъ онъ — и вмѣстѣ какъ онъ твердъ!
Благословенъ языкъ земли полночной!
Не разберу я, къ сожалѣнью, словъ;
Онъ кажется поетъ про честь, про славу,
Про сладкую къ отечеству любовь,
Про новую, полночную Державу....
Но снова все туманится и тмится,
И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ.

(*Погружается въ совершенное забытіе.*)

Д. МОСТИ.

Ахъ, я боюсь; онъ такъ уснетъ на вѣки...

К. РИГИ.

Оставьте, отойдетъ! Ужъ день насталъ;
Капитолійскій шумъ его разбудитъ;
Проснется онъ для пѣсни Римскихъ дѣвъ...

ВЫХОДЪ 3-й.

Тѣ же и БЛАГОРОДНЫЕ РИМСКІЕ ЮНОШИ и ДѢВЫ. (*Юноши растилаютъ сукно отъ Капитолія до дому Риги; Дѣвы, осыпая сукно цвѣтами, приближаются къ портику.*)

ХОРЪ ДѢВЪ.

Проснись, Пѣвецъ, и на цвѣты,
На лавры и оливы
Глаза и мысли обрати,
Пѣвецъ краснорѣчивый! —
(*Тассъ выходитъ изъ усыпленія и встаетъ.*)
Награды нѣтъ для Тасса — здѣсь;
Что можетъ, то приносимъ;
Награды лучшей — у небесъ
Тебѣ, великій, просимъ!

ТАССЪ.

О поддержите! я слабѣю!
И благородныхъ Римскихъ Дѣвъ
Благодарить я не умѣю.
Невинности простой напѣвъ
Меня чаруетъ — и тревожитъ:
Увы! Полу-убитый Тассъ,
Прекрасныя, стихами — васъ
Уже привѣтствовать не можетъ!
(*Раздаются звуки колоколовъ; на крышахъ, балконахъ, въ окнахъ показывается народъ.*)

К. РИГИ.

Великій Тассъ! Ты слышишь, время бьетъ!
Пора тебѣ итти въ твои покои;

Сей часъ придутъ старшины городскіе
И въ Капитолій поведутъ. . .

ТАССЪ.

На вѣчность!
О! плачьте очи, плачьте! Эти слезы
Послѣднее мое вниманье къ людямъ!
Еще я вашъ! — но подъ вѣнцемъ безсмертья,
Оставлю васъ на вѣки. . . Плачьте, люди!
Не скоро къ вамъ придетъ другой Торкватъ. . .
Но вотъ они уже идутъ. . . Всесильный!
Друзья! не суетна земная слава;
Она залогъ безсмертной, вѣчной славы!

К. РИГИ.

Пойдемъ, Торкватъ!

ТАССЪ.

Пойдемъ, пойдемъ!

(Съ портика всѣ уходятъ.)

ВЫХОДЪ 5-й.

ТОЛПА НАРОДА, ГЕРОЛЬДЪ и СТАРШИНЫ РИМА.

ГЕРОЛЬДЪ.

Дорогу
Старшинамъ Рима! — Разступитесь, люди!..

(Старшины, съ лавровыми и оливными вѣтвями, при звукахъ музыки, проходятъ площадь и вступаютъ въ домъ Клавдія Риги. Колокола продолжаютъ звучать.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Узкій корридоръ въ домѣ Кардинала д'Естъ.

ВЫХОДЪ 1-й.

АЛЬФОНСЪ, ЛЕОНОРА, КОНСТАНТИНИ и ГОНЗАГО.

АЛЬФОНСЪ.

Она должна итти на праздникъ Тасса!
Собой его вѣнчаніе украситъ!
Я такъ хочу!...

ЛЕОНОРА.

О братъ мой! Ваша Свѣтлость!
Ужасный сонъ!... Просите Константини!...

АЛЬФОНСЪ.

Ты женщина, не геній, Леонора!
Ничтожный сонъ могъ такъ тебя встревожить!
Что жъ снилось?

ЛЕОНОРА.

Снилось мнѣ, что я вѣнецъ
Изъ рукъ Торквата вырвала... О Боже!
Онъ на меня взглянулъ и — умеръ!

АЛЬФОНСЪ, (*взявъ ее за руку*).

Бредни!
Ребячество! Я такъ хочу!

ЛЕОНОРА.

Да будетъ
Твоя святая воля, Всемогущій!

(*Всѣ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Внутренность Капитолія; на одной сторонѣ креслы на возвышеніи, на другой — налой съ Виргиліевымъ вѣнцемъ. Кругомъ мѣста для зрителей.

ВЫХОДЪ 1-й.

МНОЖЕСТВО НАРОДА. (*Музыка вдали играетъ торжественный маршъ; въ сторонѣ, внутри, оркестръ строитъ инструменты.*)

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Позвольте мнѣ пройти! — И такъ тутъ тѣсно. —
Пустите даму! — Здравствуйте, сосѣдъ! —
Вы слышали, что можетъ быть вѣнчанье
Отложатъ; Тассъ опасно боленъ. — Жалко;
Однако жъ есть надежда? — Небольшая. —
Но старшины уже пошли къ нему. —
И такъ все скоро разрѣшится? — Скоро. —
Идутъ! — идутъ! — Что, если насъ разгонятъ?
И то случиться можетъ. —

ГЕРОЛЬДЪ (*за дверьми*).

Разступитесь!
Дорогу первому Поэту вѣка! —

ВЫХОДЪ 2-й.

Народъ разступается; музыка внутри начинаетъ играть хоръ; ГЕРОЛЬДЫ *идутъ предъ* ТАССОМЪ, *который медленно приближается къ кресламъ, кланяясь на привѣтствія народа; его поддерживаютъ* Д. МОСТИ *и* К. РИГИ; СТАРШИНЫ, КНЯЗЬЯ,

ВЕЛЬМОЖИ *и проч., сопровождают Тасса; Старшины, указав Тассу кресла, окружают Виргиліев вѣнец.*

ХОРЪ (*прерываемый криками народа и Герольдов.*)

Аминты сладостный Пѣвецъ,
Пѣвецъ Іерусалима!...

ГЕРОЛЬДЪ.

Дорогу первому Поэту вѣка!

НАРОДЪ.

Торквату Тассу слава, долголѣтье...

ХОРЪ.

Вступи во храмъ, прими вѣнецъ
Отъ радостнаго Рима!

ГЕРОЛЬДЪ.

Дорогу первому Поэту вѣка!

НАРОДЪ.

Благословеніе земли и неба!

ХОРЪ.

Онъ твой давно! Великій Римъ
Отъ радости трепещетъ!
Счастливый счастіемъ твоимъ,
Въ восторгѣ рукоплещетъ!

(*Раздаются громкія рукоплесканія.*)

НАРОДЪ.

Миръ, слава, честь, богатство, долголѣтье!

ГЕРОЛЬДЪ

Дорогу первому Поэту вѣка!

НАРОДЪ.

Благословенъ да будетъ праздникъ Тасса!

(*Тассъ садится въ кресла.*)

ХОРЪ.

Да просвѣтлѣетъ Божій сводъ
И благодать Господня
Да осѣнитъ насъ! Твой приходъ
Мы празднуемъ сегодня!

ТАССЪ.

Я здѣсь умру! Здѣсь — на своемъ я мѣстѣ!
Я въ пристани — и ни за что на свѣтѣ
Къ вамъ, въ океанъ и горя и несчастій
Я не сойду... Друзья! Я здѣсь умру!

(*Вставъ.*)

Какъ я силенъ!... Римляне, благодарность,
Признательность за милости и ласки!!
Я отъ людей ужъ ничего не ждалъ,
А вы меня даруете безсмертьемъ.
Но, къ сожалѣнью, только трупъ Поэта
Одинъ — пришелъ за лавровымъ вѣнцемъ.
Давнымъ давно, какъ тотъ вулканъ — Везувій,
Я весь сгорѣлъ! — Я перетлѣвшій пепелъ —
И скоро злая смерть меня развѣетъ.
Вы для меня нарушили обряды,
Вы сократили праздникъ торжества,
Чтобъ не замучить слабаго Поэта...
Благодарю, еще благодарю!
Но чѣмъ же мнѣ васъ отдарить, Римляне?
Поэзіи законъ Капитолійскій: —

Звучать стихомъ, стихами благодарность
Передъ народомъ Римскимъ изливать;
Но не могу, съ обрядами согласно,
Привѣтствовать васъ сладкими стихами;
Я не могу изсохшими перстами
По струнамъ Арфы ударять —
И звуки чистыхъ вдохновеній
Изъ струнъ покорныхъ извлекать.
Давно меня оставилъ геній! —
Я одинокъ на всей землѣ,
Какъ одинокій кедръ — въ пустынѣ;
Безумье на моемъ челѣ
И пустота въ грудной святынѣ;
Живой я мертвъ; души лишенъ;
Моя душа — воспоминанья;
Мой голосъ — скорбный звукъ страданья;
Вся жизнь моя — тяжелый сонъ;
Мои дѣянья — сновидѣнья;
Мои желанія — мечты;
И весь я — оставъ, привидѣнье,
Символъ могильной пустоты!

(*Народъ рыдаетъ.*)

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

О бѣдный Тассъ! О бѣдный, бѣдный Тассъ!!

ТАССЪ.

Но въ жизни — жизни нѣтъ конца!
Она въ безсмертье переходитъ.
На лонѣ вѣчнаго Отца
Успокоеніе находитъ.

Туда, туда, въ страну небесъ
Изъ этого спѣшу я свѣта;
Но не хочу оставить здѣсь,
Негодованье на Поэта.
Въ часъ торжества и смерти въ часъ,
Хочу со всѣми примириться,
Чтобъ я хотя единый разъ
Могъ на землѣ возвеселиться.
За всѣ страданія, за срамъ,
За муки, клеветы, гоненье, —
Отнесть я поручаю вамъ
Альфонсу отъ меня — прощенье!

(*Садится въ кресла.*)

НАРОДЪ.

О добрый Тассъ! Великодушный Тассъ!
Къ вѣнцу, — къ вѣнцу; — Альфонсъ Феррарскій Герцогъ.

ВЫХОДЪ ПОСЛѢДНІЙ.

Тѣ же, АЛЬФОНСЪ, ЛЕОНОРА, КОНСТАНТИНИ и ГОНЗАГО. (*Старшины несутъ вѣнецъ.*)

ТАССЪ.

Онъ здѣсь! Онъ здѣсь! Что вижу? Леонора!
Вотъ два вѣнца: лавровый и терновый!
Тотъ и другой мнѣ сладостны равно.
Альфонсъ, ты здѣсь! Какъ жрецъ и прорицатель,
Во храмѣ славы долженъ я изречь
Все, что во мнѣ ни возбуждаетъ геній!

(Вставъ.)

Да будетъ день вѣнчанья моего
Молитвы днемъ и днемъ благодаренья!
Да мудрому Премудрый подаритъ
Все, что ни есть прекраснѣйшаго въ мірѣ!
Да щедрому Всещедрый Богъ воздастъ
Сторицею за всѣ благодѣянья;
А зла не помнитъ Онъ, — Онъ, Милосердый!.. —
Альфонсъ! — съ небесъ поэзіи своей
Торквато Тассъ тебя благословляетъ!
Да будетъ миръ внутри тебя и внѣ!
Да Божій свѣтъ красуется тобою!
Да слава имени Альфонса — шумно
Міръ пролетитъ и въ каждомъ, каждомъ мѣстѣ
Оставитъ о тебѣ святую память!
Но въ тѣ часы, — когда благословенье
Торкваіпа Тасса дѣйствіе окажетъ,
Воспомни обо мнѣ, о бѣдномъ Тассѣ!
Кто болѣе любилъ тебя, Альфонсъ?
Кто болѣе тебя, Альфонсъ, прославилъ?
О чемъ теперь грущу на тронѣ славы?
Все объ тебѣ, Альфонсъ Великодушный,
Что не могу октавы сочетать
Тебѣ же въ честь, тебѣ же въ прославленье!
Такъ пусть же смерть моя въ твоихъ объятьяхъ
Послѣднею моей поэмой будетъ!... —
А ты, краса Италіи и пола,
Царица дѣвъ! — Послѣдній ѳиміамъ

Поэзія изъ устъ моихъ ліется! —
Ты Божество! Ты небо — на земли!
Ты радуга грядущаго блаженства!
Будь ангеломъ Италіи моей!
Да, зря тебя, дивится добродѣтель,
Смущается порокъ... Но, силы неба!...
Какой-то новый воздухъ въ перси льется...
Внизу толпа... вверху толпа... сіянье...
Труба гремитъ... то звуки вѣчной славы!...
Рукоплещи, великолѣпный Римъ!
Возрадуйтесь, друзья Торквата Тасса!
Весь міръ въ моихъ объятіяхъ объемлю —
И два вѣнца — одной главой пріемлю!!
Изъ торжества вступаю въ торжество!
Миръ вамъ!... И вы возстаните изъ гроба!..
Я началъ жить!... Альфонсъ и Леонора!...
Друзья мои!... Простите! До свиданья!...

АЛЬФОНСЪ.

Вѣнецъ подайте!

(Тассъ, простерши руки къ вѣнцу, постепенно ослабѣваетъ; смерть на его лицѣ оставляетъ неподвижную улыбку; Альфонсъ, вырвавъ изъ рукъ изумленныхъ старшинъ вѣнецъ, взбѣгаетъ на возвышеніе и надѣваетъ его на голову Торквата, которую поддерживаетъ Мости; Леонора закрываетъ руками глаза; друзья Торквата также восходятъ на возвышеніе и, окруживъ Тасса, проливаютъ слезы.)

АЛЬФОНСЪ (*на возвышеніи, проливая слезы.*)

Люди! На колѣна!

Кончается великій человѣкъ!

(*Всѣ становятся на колѣна; раздаются громкія рыданія; занавѣсъ медленно опускается.*)

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 005 872 435 A